

Вишневый сад. 100 лет спустя

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Котляр Август

Август Котляр

Вишневый сад. 100 лет спустя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69417382

SelfPub; 2023

Аннотация

Классическая пьеса Антона Чехова, адаптированная под первую четверть XXI века. Август Котляр с этим произведением сделал следующее. Во-первых, адаптировал под современные реалии и переписал диалоги на современный русский язык, находящийся в употреблении на 2022 год. Во-вторых, через диалоги сделал персонажей более выпуклыми и яркими, насколько это не исказило изначальный чеховский замысел написать комедию, а не трагикомический фарс, как у него вышло на самом деле. В-третьих, доразвязал сюжетную линию до привычного современному зрителю хэппи-энда, когда каждый получил по заслугам, чего не было у Чехова, В целом же канва произведения и изначальный чеховский посыл остались неизменными.

Август Котляр Вишневый сад. 100 лет спустя

Адаптация оригинальной пьесы 1904 года к реали-
ям XXI века

Действующие лица

Раневская Любовь Андреевна, землевладелица.

Аня, ее дочь, 17 лет.

Варя, ее приемная дочь, 24 лет.

Гаев Леонид Андреевич, брат Раневской.

Лопухин Ермолай Алексеевич, предприниматель.

Трофимов Петр Сергеевич, студент.

Симеонов-Пищик Борис Борисович, землевладелец, со-
сед.

Шарлотта Ивановна, гувернантка.

Епиходов Семен Пантелеевич, мажордом Раневской.

Дуняша, горничная.

Фирс, прислуга, старик 87 лет.

Яша, молодой водитель и порученец.

Прохожий.

Начальник станции.

Почтовый чиновник.

Гости, прислуга.

Действие происходит в загородном особняке Л. А. Раневской.

Действие первое

Комната, которая до сих пор называется детской. Одна из дверей ведет в комнату Ани. Рассвет, скоро взойдет солнце. Уже май, цветут вишневые деревья, но в саду холодно, утренник. Окна в комнате закрыты.

Входят Дуняша со свечой и Лопахин с книгой в руке.

Лопахин. Ну, чё там? Сколько уже?

Дуняша. Два ночи. (Тушит лампу.) Светает.

Лопахин. Твою мать, зараза. (Зевает и потягивается.) Я, как мудака, приперся заранее в аэропорт, рейс задержали, я в бар, всё чин-чинарем, коньяку накатил, потом, вроде, сюда водиле велел ехать, занюхал для бодрости и вырубился. Клофелину, что ли, шлюхи мне насыпали?

Дуняша. Я думала, что вы в ночной клуб уехали, типа, в “Голодную утку”. (Прислушивается.) О, глушитель оторванный... это Бентли наш – уже едут.

Лопахин (прислушивается). Не, это не глушак, это байк. А им ещё барахло искать в терминале, таможня, паспортный контроль, то да се...

Сколько хозяйке уже? Лет тридцать семь Любовь Андреевна, молодая ещё, вполне того-с. Лет десять как шарится по заграницам. Не скрувилась ли? Не ссучилась? Помню, перед тем, как мой папаша на пятнаху отъехал, он нажрался и дал мне леща – он тогда тут, на Рублёвке, базар держал, в Жуковке. Задвинул кулачищем мне в торец, нос свернул, кровяца... Как нажрётся – лютует... Чем пьянее – тем лютее... Любовь Андреевна, еще молоденькая, тощая, носастая, как эта выдра Ахматова, на него охрану свою спустила, чтоб угомонили. А меня в сортир отвела, вот тут, где детская, нос своими тампаксами залепила, вискаря плеснула и говорит: “Квакни, чувачок! Да хорош тебе ныть, задолбал уже, на тебе тыщу баксов, сходи к Саше Соркину на “Веранду”, покушай, с тёлкой покувыркайся... и без волены больше не ходи!”

Лопехин. Бандитто... Отец мой, в натуре, бандюганом был, в кожаной куртке и спортивных трениках, а я вот в шёлковом галстукке и в велюровых слипонах. Со своей свинячей раздолбанной харей боксёрской в калашный ряд... Зато я при лаве, бабла дохерища. Но если прикинуть хрен к носу, то гопота гопотой... (Перелистывает журнал.) Читал вот, йобтыть, глянец и ниша не понял, на хрен. Читал и закемарил.

Пауза.

Дуняша. А собаки всю ночь шманались по хате, чуяли, что хозяева едут.

Лопахин. Да ты гонишь, Дунечка. Простая ты, как дуршлаг. Течка у них.

Дуняша. Руки трясутся. Тремор. Не с бодунища. Сейчас кондрашка хватит.

Лопахин. Очень ты, йоптыть, нежная, мать. Нервная. И прикид как у миллиардерши. Так нельзя, рамсы не путай, свою масть не забывай.

Входит Епиходов с букетом: он в пиджаке и в ярких красных ботинках, которые сильно цокают и поскрипывают; войдя, он роняет букет.

Епиходов (поднимает букет). Садовник срезку живую подогнал, говорит, в столовой поставь. (Отдает Дуняше букет.)

Лопахин. Квасу дай, со льдом, сушняк долбит. Или, лучше, джин с тоником.

Дуняша. Ага! (Уходит.)

Епиходов. Холода вдарили, минус три за бортом, пипец нашей сакуре. Климат у нас – говно. (Вздыхает.) Не могу жить в ЭТОЙ стране. Всё тут мне не в кайф. Вот, Ермолай Алексеич, купил я себе третьего дня красные шузы на Алике, а они, смею вас уверить, скрипят, воняют и цокают так, как будто в китайское авто купил. Чем бы намазать?

Лопухин. Отвали, Ебиходов! Заманал!

Епиходов. Каждый день в какое-то дерьмо залипаю. Фарта нет. Но я не бурчу, привык и даже улыбаюсь.

Дуняша входит, подает Лопухину джин с тоником.

Епиходов: Я пойду. (Натыкается на стул, который падает.) Йёп... (Как бы торжествуя.) Вот видите, извините за выражение, какое обстоятельство, между прочим... Это просто даже замечательно! (Уходит.)

Дуняша. А мне, Ермолай Алексеич, признаться, Епиходов предложение сделал.

Лопухин. Это чмо? Ниха се! Ты чё, в натуре?

Дуняша. Не знаю уж как... Чувак он смирный, и бабки есть, только такую пургу несёт, что не догоняю. Вроде складно, на эмоции, только непонятно. Мне он как будто не противный, а меня любит безумно, прямо вштыривает его, так хочет меня. Но вот только нефартовый, каждый день что-нибудь. Ему так и дали погоняло: тридцать три несчастья...

Лопухин (прислушивается). Кажись, подъезжают... А чей это аэмгэ шестьдесят третий?

Дуняша. Едут! Что ж это со мной... внутри всё обрывается.

Лопухин. Едут, без балды. Пойдем, поприветствуем. Узнает ли она меня? Столько лет не виделись.

Дуняша (в волнении) . Я сейчас выпаду в осадок... Ой,

мама, сплехело мне! (блюёт)

Слышно, как к дому подъезжают два большемоторых автомобиля. Лопухин и Дуняша быстро уходят. Сцена пуста. В соседних комнатах начинается шум. Через сцену, опираясь на палочку, торопливо проходит Фирс, ездивший встречать Любовь Андреевну; он во фраке; что-то говорит сам с собой, но нельзя разобрать ни одного слова. Шум за сценой все усиливается. Голос: «Вот пройдемте здесь...» Любовь Андреевна, Аня и Шарлотта Ивановна с собачкой на цепочке, одетые по-дорожному. Варя в пальто и платке, Гаев, Симеонов-Пищик, Лопухин, Дуняша с несессером и зонтиком, прислуга с вещами – все идут через комнату.

Аня. Идём сюда. Мама, помнишь, какая это комната?

Любовь Андреевна (радостно, сквозь слезы). Детская?

Варя. Холодрыга какая, у меня руки задубели. (Любови Андреевне.) Твои комнатнушки, белая и фиолетовая, такими же и остались... (сквозь зубы) мамочка.

Любовь Андреевна. Детская, милая моя, прекрасная комната... Я тут спала, когда была маленькой... С кем я тут только не спала... (Плачет.) И теперь я как маленькая... (Целует брата, Варю, потом опять брата.) А Варвара по-прежнему всё та же, на монашку похожа. И Дуняша наша всё та же... (Целует Дуняшу.)

Гаев. Самолёт опоздал на два часа. Что за дела, ты на чьём

борту летела?

Шарлотта (Пищику). Моя собака орехи жрёт! Миндаль, кедровые, арахис.

Пищик (удивленно). Сучка французская! В хорошем смысле!

Уходят все, кроме Ани и Дуняши.

Дуняша. Заждались мы... (Снимает с Ани пальто, шляпу.)

Аня. Я не спала в дороге четыре ночи... Вроде не пере-нюхала... Теперь колбасит меня... поплющивает немножко.

Дуняша. Вы уехали под Новый год, тогда был снег, был мороз, а теперь? Милая моя! (Смеется, целует ее.) Зажда-лась тебя, радость моя, светик... Я скажу вам сейчас, одной минутки не могу утерпеть...

Аня (вяло). Опять что-нибудь? Я больше девками не ин-тересуюсь...

Дуняша. Да я тоже. Наш мажордом Епиходов после кор-поратива на Восьмое марта мне предложение сделал.

Аня. Ты все об одном... (Поправляя волосы.) Я посеяла спьяну шпильки, булавки, мобильник... И лифчик Ла Пёр-ла... Может, маман попёрла? (Она очень утомлена, даже по-шатывается.)

Дуняша. Уж я не знаю, что и думать. Он меня любит, так любит! И может по пять раз за ночь!

Аня (глядит в свою дверь, нежно) . Моя комната, мои окна, как будто я не уезжала. Я дома! Завтра утром встану, побегу по нашей Барвихе, по магазинам... О, если бы я могла уснуть! Я не спала всю дорогу, томило меня беспокойство: кто из наших свалил за бугор, кто остался, кого посадили, кого завалили...

Дуняша. Третьего дня Петр Сергеич вернулись. Выгнали из Лондона из-за санкций.

Аня (радостно). Петя!

Дуняша. В бане спят, там и живут. С другом. Моются каждый день. Боюсь, говорят, стеснить. (Взглянув на свои электронные часы.) Надо бы их разбудить, да Варвара Михайловна не велела. Ты, говорит, их не буди, к ним вообще не ходи, не смущай.

Входит Варя , на поясе у нее связка ключей.

Варя. Дуняша, эспрессо поскорей... Мамочка капучине просит, с пенкой.

Дуняша. Айн момент. (Уходит.)

Варя. Ну слава богу, приехали. Опять ты дома. (Ласкаюсь.) Душечка моя приехала! Кисонька приехала! Скучала по моей киске?

Аня. Натерпелась я от этих француженок. Не подмываются.

Варя. Воображаю!

Аня. Выехала я на Страстной неделе, тогда было холодно. Шарлотта всю дорогу говорит, представляет фокусы, всё норовит с первым встречным в картишки перекинуться. И зачем ты навязала мне Шарлотту, она только в покер режется, и то мухлюет безбожно...

Варя. Нельзя же тебе одной ехать, душечка. В семнадцать лет!

Аня. Приезжаем в Париж, там холодно, снег, арабы, негры, всё дорого. По-французски говорю я крипово, а по-английски эти лягушатники вообще ни бельмеса. Маман живет на пятом этаже в Шестнадцатом арондисмане, прихожу к ней, у нее какие-то французы облезлые, дамы недотраханые, старый падре-педераст с книжкой, и накурено, вонь гадкая от сигар с дурью, всё в жирной какой-то копоти, неуютно. Кокс везде рассыпан, бутылки валяются из-под брютов, кальвадоса и абсента. Но и водки куча бутылок по углам стоят недопитые. Она ж русская, слегка банку баст – и за всю эту сволочь платит, гуляй рванина, от рубля и выше. Мне вдруг стало жаль мамы, так жаль, я обняла ее голову, сжала руками и не могу выпустить. Мама потом все ласкалась, плакала...

Варя (сквозь слезы). Не говори, не говори...

Аня. Дачу свою в Ментоне она уже продала, апартаменты в Монако продала, лодку продала, Феррари и Роллс продала, и у нее ничего не осталось, ничего, по буквам: николай, иван, харитон, ульяна, яков. У меня тоже не осталось ни копейки, едва доехали. И мама не догоняет! Сядем в аэро-

порту пожрать, и она требует самое дорогое, на чай халдеям раздает по сто евро. Шарлотта тоже жрёт икру от Петросяна в три горла. Яша тоже требует себе порцию, по двадцать устриц за раз и шабли. Просто ужасно. Ведь у мамы как бы мальчик-помощник Яша, мы привезли его сюда...

Варя. Видела паскуду, типичный жиголо.

Аня. А проценты заплатили?

Варя. С каких шишей?

Аня. Боже мой, боже мой...

Варя. В августе будут продавать всё наше землевладение, тысячу сто гектар лесов, пахоты и водоохранной зоны...

Аня. Твою мать! Доигрались в сельское хозяйство.

Лопухин (заглядывает в дверь и пьяно мычит) . Ме-е-е...

Блямс! (Уходит.)

Варя (сквозь слезы). Сдуру дала ему... Тест теперь положительный... (Грозит кулаком.)

Аня (обнимает Варю, тихо). Варя, он жениться собирается, сделал предложение? (Варя отрицательно качает головой.) Ведь он же тебя любит... Отчего вы не объяснитесь, чего вы ждете?

Варя. Ничего у нас не выйдет. Он при делах серьёзных, каждый вечер зависает в кабаках со шлюхами, в ночных клубах тусит, ему не до меня... И внимания не обращает, так, разок присунул, колечко с бриллиантом подарил, и Биркин битую. Ну, БМВ ещё трёху подогнал, но тоже не новую. Да Бог с ним совсем, тяжело мне его видеть... Все говорят о нашей

свадьбе, все поздравляют, а на самом деле ничего нет, всё как дурной сон... (Другим тоном.) У тебя брошка вроде как пчелка.

Аня (печально). Это мама спёрла в Эрмесе. Или у кого-то из знакомых. (Идет в свою комнату, говорит весело, по-детски.) А в Париже я на воздушном шаре летала!

Варя. Киска моя приехала! Красотулечка!

Дуняша уже вернулась с эспрессо-машиной и варит кофе.

(Стоит около двери.) Хожу я, ядрёна вошь, целый день по бутикам и мечтаю. Выдать бы тебя за олигарха или чиновника категории “А”, и я бы тогда была покойной, пошла бы себе в одну пустынь, типа Оптиной, потом в Киевско-Печёрскую лавру... Не, в жопу Киев, это я не подумавши ляпнула, потом в Питер, оттуда в Псовско-печёрскую, потом в Дивееву под Нижний, потом в Сергиев Посад, и так бы все ходила по святым местам... Ходила бы и ходила. Благолепие!..

Аня. Птицы разорались в саду. Который час?

Варя. Полчетвёртого утра. Тебе пора спать, душечка. (Входя в комнату к Ане.) Лепота!

Входит Яша с пледом, дорожной сумочкой.

Яша (идет через сцену, деликатно). Тут можно пройти-с?
Дуняша. Вас не узнать, Яша. Какой вы стали за границей.

Яша. Гм... А вы кто?

Дуняша. Когда вы уезжали из России, я была этакой... (Показывает от пола.) Дуняша, Федора Козлодоева дочь. Вы не помните!

Яша. Гм... Хочешь погрызть мой огурчик?! (Оглядывается и обнимает ее; она вскрикивает и роняет блюдечко. Яша быстро уходит.)

Варя (в дверях, недовольным голосом) . Что еще тут?

Дуняша (сквозь слезы). Веджвуд кокнула...

Варя. Раззява! Да и хрен с ним, на счастье.

Аня (выйдя из своей комнаты) . Надо бы маму предупредить: Петя здесь...

Варя. Я приказала его не будить.

Аня (задумчиво) . Шесть лет тому папаша наш склеил ласты от цирроза, через месяц утонул в реке братец Гриша, ангелочек семилетний. У мамани чердак поехал, кто ж снесёт столько горя за раз... Поехала до Парижу проветриться и развеяться, и зависла по столько лет. (Вздрагивает.) Можно понять человека!

Пауза.

Петя Трофимов учил Гришу, он может напомнить... Ой! А может, он с Гришей что-то сделал, вот Гришенька и того-с... Побежал на речку... Мама! (в ужасе прикрывает рот рукой)

Входит Фирс, он в полосатом пиджаке и белом жилете.

Фирс (идет к эспрессо-машине, озабоченно). Барыня-хозяйка здесь будут кушать... (Надевает белые перчатки.) Готов капучино? (Строго Дуняше.) Ты! А сливки обезжиренные? А миндальное молоко?

Дуняша. Ах, боже мой... (Быстро уходит.)

Фирс (хлопчет около эспрессо-машины) . Эх ты, жопа-недотепа... (Бормочет про себя.) Приехали из Парижа... И шеф когда-то ездил в Париж... Гонял Париж-Даккар... (Смеется.)

Варя. Фирс, что ты там гонишь?

Фирс. Ну чего надо от старого пердуна? (Радостно.) Барыня моя приехала! Дождался! Теперь можно и дуба давать... (Плачет от радости.)

Входят Любовь Андреевна, Гаев, Лопухин и Симеонов-Пищик ; Симеонов-Пищик в пальто из стриженной норки и широченный штанах а-ля Йоджи Ямамото. Гаев, входя, руками и туловищем, делает движения, как будто играет на бильярде.

Любовь Андреевна. Как это? Блин, склероз... Артёмку в депо! Серпом по яйцам!

Гаев. Это архаизмы! И не в кассу. Ныне просто шары ка-

таем. Режу в угол! Когда-то мы с тобой, мать, дрыхли вот в этой самой комнате, на подушках бились, пастой зубной рожки мазали, письки друг другу показывали, как в пионерском лагере. А теперь мне полтинник, как это ни странно...

Лопухин. Чего тут странного, ёптыть? Если шишак работает, какие, мать твою итить, проблемы?

Гаев. Кого работает?

Лопухин. Время, говорю, не щадит, но виагра зато есть!

Гаев. А здесь пачулями пахнет. Как труссы у старой бабки.

Аня. Я – спать. Отбой. Спокойной ночи, мама. (Целует мать.)

Любовь Андреевна. Ненаглядное дитюсечко моё. (Целует ей руки.) Нормалёк, что ты дома? А то меня ей-богу нахлобучило, всё в прострации.

Аня. Адьё, дядя Лёня.

Гаев (целует ей лицо, руки) . Господь с тобой. Как ты похожа на свою мать! (Сестре.) Ты, Люба, в ее годы тоже была секси, глянешь – и кончишь.

Аня подает руку Лопухину и Пищику, уходит и затворяет за собой дверь.

Любовь Андреевна. Ухайдокалась Анютка.

Пищик. Летели на ком-то или с пересадками? Из Ниццы и Парижу, небось, прямых рейсов больше нет?

Варя (Лопухину и Пищику). Ну что, коллеги? Ночь в раз-

гаре, вас девки в клубе ждут.

Любовь Андреевна (смеется) . Ты все такая же, Варя, неотёсанная, как доска. (Привлекает ее к себе и целует.) Кофейку попьем и свалим.

Фирс кладет ей под ноги подушечку и подливает в кофе коньяк.

Спасибо, родной. Я привыкла к кофе, но больше к коньку. Пью его и днем и ночью. Спасибо, мой старенький сморчок. (Целует Фирса в нос.)

Варя. Гляну, все ли барахло довели... Не подрезали ли чего по дороге. (Уходит.)

Любовь Андреевна. Неужели это я сижу? (Смеется.) Мне хочется подрывать ручками-ножками, поразмять булочки. (Закрывает лицо руками.) А вдруг это глюки! Видит Бог, я патриотка, я Родину люблю – смотрела вниз в иллюминатор и плакала. (Сквозь слезы.) Однако же надо допить кофе. И коньяк. Сигареты “Нат Шерман” есть в этом доме. (Фирс открывает портсигар и Раневская достаёт сигарету, Фирс щелкает зажигалкой.) Спасибо, Фирс, спасибо, старичок. Я так рада, что ты еще не двинул кони.

Фирс. Позавчера.

Гаев. Не слышит пень глухой ни хера.

Лопухин. Мне сейчас, в пятом, ёптыть, часу утра, в Питер, блин, ехать. Досада! Хотелось посидеть, потрындеть...

Вы всё такая же классная...

Пищик (тяжело дышит). Даже похорошела... Одета как из ЦУМа... пропадай моя тачанка, все четыре колеса...

Лопухин. Ваш брат, Леонид Андреич, говорит, ёптыть, про меня, что я хам, гопник и быдло, но это мне решительно похер. Это гониво; он хоть брат вам, а чертила каких мало. Хотелось бы только, чтобы вы мне верили по-прежнему, чтобы ваши глазки смотрели на меня, как раньше. Ёма-ё! ! Мой отец был вышибалой в катране вашего деда и отца, но вы, собственно вы, сделали для меня когда-то так много, что я забыл все дерьмище и люблю вас, как родную... Даже больше. Как ваш президент Макрон свою училку, намёк ясен, компрене ву муа?

Любовь Андреевна. Не могу сидеть ровно, засвербило! (Вскакивает и ходит в сильном волнении.) Я не переживу этой радости... Смейтесь надо мной, я тупая пэ... Шкафик мой родной... (Целует шкаф.) Столик мой.

Гаев. На нём тут няня умерла.

Любовь Андреевна (садится и пьет кофе) . Да пёс с ней, в смысле, царство небесное. Мне на вотсап прислали.

Гаев. И Анастас от СПИДа кони двинул. Петрушка Косой от меня ушел и теперь в городе с судебным приставом живет. Открыто. (Вынимает из кармана коробку с леденцами и демонстративно сосет.)

Пищик. Дочка моя, Дашенька... вам кланяется...

Лопухин. Мне хочется сказать вам, ёптыть, что-нибудь

очень приятное, веселое. (Взглянув на часы.) Сейчас отча-лю... ну, я пару слов. Кааароче, процедура банкротства по-шла, конкурсный управляющий, какой-то хрен с бугра, бу-дет назначен, ваш участок со всеми вишнями уйдёт, ёптыть, с аукциона за позорные долги, на хер. На двадцать третье августа назначены торги, но вы не парьтесь! У меня решала один есть, мутная гнида с серьёзными концами, можем про-вернуть дельце... Вот мой проект. Ваши тысяча сто гектар находятся в двадцати километрах от Москвы, между Рублёв-кой и Новой Ригой, железная дорога есть, с Новой Риги съезд есть, Илинка тут же проходит; если, каароче, вишневый сад и землю по Москва-реке разбить на дачные участки и про-давать, как в садах Майендорфа, по сто тысяч евро за сотку, десять лямов за гектар, больше миллиарда за всё. Деньги в Монако или Люксембург я вам выведу; даже если положите под два годовых, прикупите бумаги казначейства США, то будете иметь самое малое двадцать миллионов зелени в год дохода. И это не облагается налогом ни в Монако, ни в США, даже если поедете в Хэмптон или Беверли Хиллс. Вас никто больше не выщипает!

Гаев. Бляха-муха, какой-то бред!

Любовь Андреевна. Я не совсем въехала, Ермолай Алексеич.

Лопухин. Вы будете брать с девелоперов или дачников самое малое по сто косарей за сотку, и если теперь же объ-явите, то, я ручаюсь чем угодно, у вас до осени не оста-

нется ни одного свободного клочка, все разметут. Одним словом, поздравляемсы, вы спасены. Местоположение шикарное, Москва-река там глубокая и чистая, говно сливают дальше. Только, конечно, нужно прибраться, почистить, например, скажем, снести все старые постройки, и особенно вот этот ваш дом в водоохранной зоне, который, с точки зрения архитектуры, кринж и отстой, краснокирпичное эхо девяностых. Заодно вырубить старый вишневый сад... Деревья-то уродские, как моя судьба... Эти вишни на хер никому не сдались, у кого бабки есть!

Любовь Андреевна. Вырубить? Милый мой, простите, вы ничего не понимаете. Если во всем Одинцовском районе и окрестностях и есть что-нибудь интересное, даже замечательное, так это только наш вишневый сад.

Лопехин. Замечательного в этом саду только то, что он очень большой. Вишня родится раз в два года, да и ту девать некуда, никто не покупает. Импорт один. И сад уже старый, ещё при советской власти сажали, я вообще в непонятках, что эти дрова хоть как-то плодоносят уже тридцать лет. К слову, о дровах. Вишневые угли все шашлычники и мангалщики сметут. По ломовым ценам. Вам на шпильки и чулки фильдеперсовые.

Гаев. В самой «Википедии» написано про этот сад!

Лопехин (взглянув на часы). Будем жевать, ёптыть, сопли и ныть от ностальгии – двадцать третьего августа и вишневый сад, и вся земля уйдут с молотка на хер, и дадут три

копейки за сотку. Хватит тянуть ко́та за яйца! Другого выхода нет, отвечаю. Ну а на нет и суда нет.

Фирс. В колхозе нашем, лет сорок—пятьдесят назад, вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили, брагу делали, самогон гнали, бывало...

Гаев. Фирс! Рот закрой!

Фирс. И бывало, сушеную вишню возами отправляли в Москву и в Питер. И ещё сдавали сироп на ликеро-водочный завод. Денег было! И сушеная вишня тогда была мягкая, сочная, сладкая, душистая... А какой ликёр делали на экспорт! Способ тогда знали...

Любовь Андреевна. А где же теперь этот способ?

Фирс. Забыли. Или продали на Запад. Всё продали на Запад! К стенке бы их всех!

Пищик (Любови Андреевне). Что в Париже? Русским ещё можно жрать лягушек?

Любовь Андреевна. Лягушки – дрянь, как курица. Крокодилов ела – как осетрина.

Пищик. Вы подумайте... А у нас крокодилов нельзя.

Лопехин. До сих пор на Рублёвке были только господа и обслуга, а теперь появились еще эта сволочь дачники. Вы ж, может, помните, что в России все города, даже самые небольшие, окружены дачами, по шесть соток земли. Боюсь, что дачник лет ещё через двадцать размножится и загадит всё своей картошкой, морковкой и смородиной. Ныне они в основном бухают под шашлыки, но ведь может случиться, что

на своих шести сотках они займутся курами и кроликами, и тогда ваш вишневый сад станет счастливым, богатым, роскошным прибежищем последних приличных людей...

Гаев (возмущаясь). Да это же недемократично, что вы говорите! Пусть люди выращивают органическую пищу!

Входят Варя и Яша .

Варя. Тут, мамочка, две эсэмэски. (Включает мобильный и показывает) Вот они.

Любовь Андреевна. Это из Парижа. (Отворачивается, не прочитав.) С Парижем и свингерками покончено... Это коньяк в шкафу?

Гаев. А ты знаешь, Люба, сколько этому шкафу лет? Неделю назад я выдвинул нижний ящик, гляжу, а там выжжены цифры, а под ними пыльные бутылки с коньяком. Шкаф сделан ровно сто лет тому назад. Каково? А? Можно было бы юбилей отпраздновать. Предмет неодушевленный, а все-таки, как-никак, книжный шкаф.

Пищик (удивленно) . Сто лет... Коньяку сто лет! Вы подумайте!..

Гаев. Да... Это вещь... (Ощупав шкаф и вынимая бутылку.) Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам пьянства и разгула; твой молчаливый призыв к распитию спиртных напитков не ослабевал в

течение ста лет, поддерживая сквозь все войны, революции и прочие потрясения в моих предках и в нас бодрость, веру в лучшее будущее и воспитывал в нас идеалах не только коммунизма для отдельно взятых товарищей, но и радостного тунеядства их потомков

Пауза.

Лопахин. Да...

Любовь Андреевна. Ты все такой же, Леня. Несгибаемый тунеядец.

Гаев (преодолевая конфуз). Сдохну – а работать всё равно не буду!

Лопахин (поглядев на часы). Ну, мне пора.

Яша (подаёт Любове Андреевне лекарство). Может, примете свои антидепрессанты...

Пищик. Не надо пить колёса, милейшая... от них ни вреда, ни пользы... Дайте-ка сюда... (Берет пилюли, высыпает их себе на ладонь, дует на них, кладет в рот и запивает квасом.) Опаньки!

Любовь Андреевна (испуганно). Да вы с дуба рухнули!

Пищик. Антидепрессанты заглотал!

Лопахин. Вот же дырища кишечная! Посмотрим, как колеса на кокс лягут.

Все смеются.

Фирс. Они выжрал у нас всю водяру на День Победы, полведра огурцов солёных скушали... (Бормочет.)

Любовь Андреевна. О чем это он?

Варя. Уж три года так бормочет, водку жалеет. Мы привыкли.

Яша. Преклонный возраст. Деменция.

Шарлотта Ивановна в белом платье, очень худая, стянутая, с лорнеткой на поясе проходит через сцену.

Лопахин. Шарлотта Ивановна, не проходите мимо. я не успел еще поздороваться с вами. (Задирает ей юбку.) Позвольте к ручке приложиться...

Шарлотта (одёргивая юбку) . Если дать вам целовать руку, то вы потом пожелаете в локоть, потом в плечо... А потом вся задница в засосах...

Лопахин. Не везет мне сегодня.

Все смеются.

Шарлотта Ивановна, покажите фокус-покус!

Любовь Андреевна. Шарлотта, покажите фокус-мокус!

Шарлотта. Не! Я баиньки. (Уходит.)

Лопахин. Через три недели увидимся, пока на связи. (Целует Любове Андреевне руку.) Пока прощайте. Пока-по-

ка!(Гаеву.) В дёсны! (Целуется с Пищиком.) Держи петушка! (Подает руку Варю, потом Фирсу и Яше.) Не хочется уезжать. (Любови Андреевне.) Надумаете насчет продажи земли, тогда дайте знать, я тут же отслюню вам пятьсот косарей зелени. Хотите в долг, хотите авансом. Сочтёмся. Только отнесите по-взрослому.

Варя (сердито) . Давай уже, иди к такой-то матери, а то прощаешься и не уходишь!

Лопухин. Ухожу, ухожу... (Уходит.)

Гаев. Хам. Беспардонный... Хотя пардон, это ж Варин женишок.

Варя. Не говорите, дядечка Лёничка, лишнего. А то за базарчик ответите.

Любовь Андреевна. Что ж, Варя, порадуй маман. О таком ласковом папике можно только мечтать.

Пищик. Человек, надо правду говорить... правильный... И моя Дашуля... тоже говорит, что... разные слова говорит. Говорит, что Лопухин храпит во сне, но, если пнуть, тотчас же просыпается. К тому же мультимиллионер. К слову, о миллионах. Одолжите мне... займы двести сорок тысяч... рублей... завтра по кредитам проценты платить...

Варя (испуганно). Денег нет! И не будет!

Любовь Андреевна. У меня в самом деле нет ни шиша.

Пищик. Найдутся. (Смеется.) Не теряю никогда надежды. Вот, думаю, всё пропало, гипс снимают, клиент уезжает, кранты, ан глядь, – автобан по моей земле прошёл, и... мне

забашляли. А там, гляди, еще что-нибудь случится не сегодня-завтра... Двести тысяч долларов выиграет Дашенька в американский джек-пот... у нее билеты есть, она он-лайн играет.

Любовь Андреевна. Кофе вылакали, коньячище уже не лезет, пора тушку подавить.

Фирс (чистит щеткой Гаева, наставительно). Опять не те портки надел. Эти ж вы обосрали, когда я вас пьяного из машины по снегу ташил, очко на них треснуло, только зашил, а в химчистку ещё не сдал. Снимай, касатик. Вам что чистое, что обосранное – всё едино, интеллигентный вы мой человек!

Варя (тихо). Анька дрыхнет. (Тихо отворяет окно.) Солнце встало как... ну да, не холодно. Взгляните, маман: какие чудесные деревья! Боже мой, воздух! Скворцы поют!

Гаев (отворяет другое окно). Сад весь как оштукатуренный. Белый, а-ля евроремонт. Если ты ещё не склеротичка от дури, Любаня, вспомни: вот эта длинная аллея идет прямо-прямо, и точно как сопля самурая, блестит в лунные ночи. Ты помнишь? Не забыла?

Любовь Андреевна (глядит в окно на сад). О, мое детство, о, девственность моя! В этой детской я спала, бродила нежными ручками под одеялком, глядела отсюда на сад, счастье просыпалось вместе со мною каждое утро, и тогда он был точно таким, ничто не изменилось. (Смеется от радости.) Весь белый, как снежок колумбийский! О садик мой!

А как я голландские грибы сажала? После темной и грязной осени, после холодрыги зимней опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя, сидят на ветках... Если бы похерить всё и накидаться до поросычьего визга, то смогла бы забыть мое прошлое!

Гаев. Да ты столько не выжрешь. Заблюёшь весь палисадник, первый раз, что ли? А где это ты набралась этой херни типа романтики? Крыша всё ж твоя съехала, жопа ты моя родная. Ты на мет в париже не подседа? Из-за бедности? О, бля, бедность... Продадут, с потрохами нас продадут за долги, как это ни странно...

Любовь Андреевна. Смотрите, мамаша покойная наша ползёт по саду... в белой ночнушке! С красными глазами... (Смеется от радости.) Это она, всегда так из беседки выползает...

Гаев. Где? Блин, точно, нанюхалась в дороге, а тут намешала коньяк с грибами.

Варя. Господь с тобой, мамуля, ты бредишь.

Любовь Андреевна. А? Кто здесь? Нет никого? Точно, никого нет, мне показалось. Направо, на повороте к беседке, белое деревцо как бы наклонилось, раком встало, похоже на женщину...

Входит Трофимов с накладными ресницами, нагиалуроненными губами, с длинными волосами, в поношенном пиджаке из Итона, шляпе из Хэрроу, в очках и юбке-кирте

Какой изумительный огород! Белые розы, белые розы, совсем беззащитны шипы... Какое небо голубое...

Трофимов. Любовь Андреевна!

Она оглядывается на него.

Я только поклонюсь вам и тотчас же уйду. (Горячо целует руку.) Мне велели ждать до утра, но терпение лопнуло... Очень надо на горшок...

Любовь Андреевна глядит с недоумением.

Варя (сквозь слезы) . Это Петя Трофимов...

Трофимов. Петя Трофимов, учитель...бывший... учительница... вашего Гриши... Неужели лицевая хирургия сделала меня неузнаваемым... неузнаваемой?

Любовь Андреевна обнимает его и тихо плачет.

Гаев (смущенно). Полно, полно, Люба, у нас тоже, знаешь ли, гендерное разнообразие. Не только в европах люди прошаренные.

Варя (плачет). Говорила ведь, Петя, чтобы ты погодил... ты погодила до завтра.

Любовь Андреевна. Гриша мой... мой мальчик... Гри-

ша... сын...

Варя. Ничего не попишешь, маман. Воля божья. Свечку поставим.

Трофимов (мягко, сквозь слезы). Будет, будет... Я себе каждый день свечки вставляю... Таки да, помогает...

Любовь Андреевна (тихо плачет). Мальчик погиб, утонул... Для чего? Для чего, мой друг? (Тише.) Там Аня спит, а я громко верещу... шумлю... Что же, Петя? Отчего ты стал такой урод? Постарел с чего? Вроде, ботоксу много на тебя ушло.

Трофимов. Ужас-ужас, это из-за гормонов. Много пью. Гормонов и пива. Липосакция не помогла. Я солитера глотал, потом пальцами еле выковырял. Не помогает. Меня теперь все так и обзывают: облезлый пидор. Или облезлое чмо. Я привык.

Любовь Андреевна. Вы были тогда совсем мальчиком, милым студентиком, а теперь плешь под париком, очки с разными диоптриями. Неужели вы все еще студент? (Идет к двери.)

Трофимов. Я буду вечным студентом. Там же мальчики молоденькие, не дают состариться.

Любовь Андреевна (целует брата, потом Варю). Ну, идите, поспите... Постарел и ты, Леонид.

Пищик (идет за ней). Значит, теперь срать и спать... Ох, геморрой мой. Я у вас останусь... Мне бы, Любовь Андреевна, душа моя, завтра утречком... двести сорок тысяч руб-

лей...

Гаев. А этот все свое.

Пищик. Двести сорок тысяч рублей... проценты по кредитам платить.

Любовь Андреевна. Нет у меня бабла, голубчик.

Пищик. Отдам, милая... Сумма пустяшная... Две копейки для вас....

Любовь Андреевна. Ну, хорошо, Леонид даст... Лёничик, дай ему.

Гаев. Держи карман шире, в моём кармане тоже вошь на аркане.

Любовь Андреевна. Что же делать, дай ему денег... Ему нужно... Он отдаст... Может быть...

Любовь Андреевна, Трофимов, Пищик и Фирс уходят.
Остаются Гаев, Варя и Яша.

Гаев. Сестра Любочка не отвыкла ещё швыряться деньгами. (Яше.) Отойди, братан, от тебя шаурмой несёт.

Яша (с усмешкой) . А вы, Леонид Андреевич, все такой же, как были.

Гаев. Кого? (Варе.) Что оно сказало?

Варя (Яше) . Твоя мать припёрлась из деревни, со вчерашнего дня сидит в под дверьми в приёмной, хочет повидаться...

Яша. Да пошла она!

Варя. Ах, рожа бесстыжая!

Яша. Очень нужно. Нищая старая карга. Могла бы и завтра прийти, не позорить меня (Уходит.)

Варя. А наша маман всё та же, как была. Даже нищета ей нипочём. Дай ей волю, всё раздаст, всё промотает, всё спустит.

Гаев. Да... Уж...

Пауза.

Если против какой-нибудь болезни предлагается очень много средств, то это значит, что кранты, болезнь неизлечима. Я думаю, напрягаю последние мозги. Если у меня много средств, очень много, значит, в сущности, ни одного. Было бы клёво подложить нашу Аню под очень богатого человека, типа замуж продать; хорошо бы поехать в Ярославль и попытаться счастья у тетки, она там вице-губернатором. Тетка ведь очень, очень богата, на распиле бюджета уже лет двадцать сидит.

Варя (плачет) . Если бы нам Бог помог.

Гаев. Не реви. Попы нам не помогут, сами рыщут, кого выщипать. А вот тётка очень богата, но нас она не любит. Сестра, во-первых, вышла замуж за мудака-учёного, прехал гений из Мухосранска с голым хреном Москву покорять...

Аня показывается в дверях.

Вышла за нищebroда и вела себя нельзя сказать чтобы очень добродетельно; ну слаба она была на передок, дело житейское. Она хорошая, добрая, славная, я ее очень люблю, но, как там ни придумывай смягчающие обстоятельства, она девушка гулящая. Это чувствуется во всех её повадках...

Варя (шепотом). Аня в дверях.

Гаев. Ась?

Пауза.

Ой, что-то мне в глаз попало... на резкость глазки не наводятся... И в четверг, когда я был в прокуратуре...

Входит Аня .

Варя. Не спится, Анечка?

Аня. Не спится. Не могу одна.

Гаев. Крошка моя. (Целует Ане лицо, руки.) Дитя мое... (Сквозь слезы.) Ты не племянница, ты мой ангел, ты для меня все. Верь мне, верь...

Аня. Я верю тебе, дядь Лёнь. И не верю всякой херне, что про тебя говорят. Тебя все любят, уважают... но, милый дядя, тебе надо от закрыть и не открывать никогда. Что ты гнал только что про мою мамашу, про свою сестру родную? На хера ты это всё наговорил?

Гаев. Да, да... (Ее рукой закрывает себе лицо.) В самом деле, это ужасно! Боже мой! Боже, спаси меня! Я пойду лечиться к наркологу. Я пойду к психиатру. Мне нужна помощь. Я сегодня со шкафом говорил... так глупо! И только когда кончил в шкаф, понял, что глупо.

Варя. Правда, дядечка, вам надо бы молчать. Молчите себе, и все.

Аня. Если будешь молчать, то тебе же самому будет спокойнее. Больше тебя не будут в ресторанах бить.

Гаев. Молчу. (Целует Ане и Варе руки.) Молчу. Только вот о деле. В четверг я был в прокуратуре, потом у судебных приставов, потом все в кабак поехали, потом в сауну с... ну, сошлась компания, начался разговор о том о сем, пятое-десятое, и, кажется, вот можно будет устроить заем под вексель, чтобы заплатить проценты в банк.

Варя. Если бы Господь помог!

Гаев. Во вторник поеду, еще раз поговорю. (Варе.) Не реви. (Ане.) Твоя мама поговорит с Лопахиным; он, конечно, ей не откажет... если будет с ним поласковой... А ты, как отдохнешь, поедешь в Ярославль к твоей бабушке, она там бюджет на социалку распределяет. Вот так и будем действовать с трех концов – и дело наше в шляпе. Проценты мы заплатим, я убежден... (Кладет в рот леденец.) Честью моей, чем хочешь, клянусь, имение не будет продано! (Возбужденно.) Счастьем моим клянусь! Вот тебе моя рука, назови меня тогда дрянью, грязным педиком, кем хочешь, если я допущу

до аукциона! Жопой своей клянусь и отвечаю!

Аня (спокойное настроение вернулось к ней, она счастлива) . Какой ты хороший, дядь Лёнь, какой умный! (Обнимает дядю.) Я теперь в норме! Раз жопу готов подставить, то я тогда спокойна и счастлива!

Входит Фирс .

Фирс (укоризненно) . Леонид Андреич, Бога вы не боитесь! Какого хрена режим не соблюдаете? Отбой сорок пять секунд!

Гаев. Ну ща!. Ты иди, Фирс, похрапи. Я сам отобьюсь. Ну, детки, бай-бай... Подробности завтра, а теперь баиньки,.. (Целует Аню и Варю.) Я человек восьмидесятих годов... Не хвалят это время, клянут, называют застойным. Без дураков, мне доставалось немало в жизни: выгнали из партии якобы за пьянку и аморалку, а на самом деле – за убеждения. Недаром меня номенклатура любит. Номенклатуру надо знать! Надо знать, с какой...

Аня. Опять ты, дядя Лёня!

Варя. Вы, дядечка, рот бы закрыли, ей-богу. А то сейчас опять начнёте, что вас называли в честь Брежнева... А потом нажрётесь и будете партбилет поджигать.

Фирс (сердито). Леонид Андреич! Время пошло!

Гаев. Иду, иду... Ложитесь. партсобрание объявляю закрытым. Протокол подписан и сдан в архив... (Уходит, за

ним семенит Фирс.)

Аня. Я теперь покойна. В Ярославль ехать не хочется, я не люблю бабку, редкой масти тварь, голимая устрица, всё мутит и мутит... Но все же я спок. Спасибо дяде. (Садится.)

Варя. Надо покемарить. Пойду. А тут без тебя было неудовольствие. В старой людской, как тебе известно, живут одна прислуга старая, ещё от советской власти: Ефимьюшка, Поля, Евстигней, ну и Карп. Стали они пускать к себе ночевать каких-то проходимцев – я промолчала. Только вот, слышу, распустили слух, будто я велела кормить их одним только горохом Бондюэль. От скупости, видишь ли... И это все Евстигней... Хорошо, думаю. Коли так, думаю, то погоди же. Зову я Евстигнея... (Зевает.) Приходит... Как же ты, говорю, Евстигней... дурак ты этакой... (Поглядев на Аню.) Анечка!..

Пауза.

Дрыхнешь!.. (Берет Аню под руку.) Пойдем в постельку... Пойдем!.. (Ведет ее.) Киска моя мокрая уснула! Пойдем...

Идут.

Далеко за садом пастух играет на свирели. Трофимов идет через сцену и, увидев Варю и Аню, останавливается.

Тссс... Она спит... спит... Пойдем, родимая, я сделаю те-

бе массаж... Изнутри...

Аня (тихо, в полусне). Я так устала... все мальчики-колокольчики... Дядя... милый... и мама и дядя...

Варя. Пойдем, родимая, пойдем... (Уходит в комнату Ани.)

Трофимов (в умилении). Солнышко мое! Весна моя! Черёмуху распустим...

Действие второе

Поле. Старая, некогда восстановленная часовенка, возле нее колодец, большие камни, когда-то бывшие, по-видимому, могильными плитами, и старая скамья. Видна дорога в особняк Гаева. В стороне, возвышаясь, темнеют сосны и кремлевские ели: за ними начинается вишневый сад. Вдали ряд странных арт-объектов, и далеко-далеко на горизонте неясно обозначается силуэт Москва-сити, который бывает виден только в очень хорошую, ясную погоду. Скоро сядет солнце. Шарлотта, Яша и Дуняша сидят на скамье; Епиходов стоит возле и играет на гитаре; все сидят задумавшись. Шарлотта в старой фуражке: она сняла с плеч ружье и поправляет пряжку на ремне.

Шарлотта (в раздумье). Мой паспорт – филькина грамота, я не знаю, сколько мне лет, и мне все кажется, что я молоденькая. Когда я была маленькой девочкой, то мой отец

и мамаша катались по всему Союзу и выступали в цирках, очень хорошо зарабатывали. А я прыгала salto mortale и разные штучки. И когда папаша и мамаша сорвались с трапеций и убились, меня взяла к себе одна недорезанная немка из бывших и стала меня учить. Допустим. Я выросла, время поменялось, я пошла в гувернантки. А откуда я и кто я – не знаю... Кто мои родители, может, они не женились... не знаю. (Достает из кармана огурец, смачно обсасывает его, потом кусает.) Ничего не знаю. И, возможно, знать не хочу.

Пауза.

Так хочется поговорить, а не с кем... Никого у меня нет.

Епиходов (играет на гитаре и поет) . «Что мне до шумного света, что мне друзья и враги...» Как приятно играть на мандолине!

Дуняша. Это гитара, причем паршивая, а не мандолина. (Глядится в зеркальце и пудрится.)

Епиходов. Для влюбленного придурка это – мандолина... От слова ман... А, ладно, мой юмор слишком того-с... (Напевает.) «Было бы сердце согрето жаром взаимной любви...»

Яша подпевает.

Шарлотта. Ужасно поют эти люди... фуй! Шакалы воют

мелодичнее.

Дуняша (Яше). Все-таки какое счастье пожить за границей, в цивилизованной стране.

Яша. Да, конечно. Не могу с вами не согласиться. (Зевает, потом закуривает сигару.)

Епиходов. Понятное дело. За границей все давно уж в полной комплектции. Особенно в Голландии. Есть даже такое понятие – голландская болезнь...

Яша. Да, это ломки с похмельем, когда у тебя при этом СПИД, гонорея и геморрой одновременно.

Епиходов. Я развитой человек, читаю разные замечательные книги, но никак не могу понять направления, чего мне собственно хочется, жить мне или застрелиться, собственно говоря, но тем не менее я всегда ношу при себе револьвер. Вот он... (Показывает револьвер.)

Шарлотта. Я кончила... От револьвера... Теперь пойду. (Надевает ружье.) Ты, Епихода, очень умный человек и очень страшный; тебя, наверно, бабы любят, на шею вешаются. Бррр! (Идет.) Эти умники все идиоты, не с кем словом перекинуться... Все одна, одна, никого у меня нет и... и кто я, зачем я, неизвестно... (Уходит не спеша.)

Епиходов. Собственно говоря, не вдаваясь в детали, я должен выразиться о себе, между прочим, что судьба меня бортует безжалостно, как буря маленький кораблик. Если, допустим, я ошибаюсь, тогда зачем же сегодня утром я просыпаюсь, к примеру сказать, гляжу, а у меня на груди страш-

ной величины паук... Мохнатый... Вот такой. (Показывает обеими руками.) И тоже квасу возьмешь, чтобы похмелиться, а там, глядишь, что-нибудь в высшей степени неприличное, вроде таракана.

Пауза.

Вы читали Генри Миллера? А Чарльза Буковски?

Пауза.

Я желаю побеспокоить вас, Авдотья Федоровна, на пару слов.

Дуняша. Говорите.

Епиходов. Мне бы желательно с вами наедине... (Вздыхает.)

Дуняша (смущенно) . Хорошо... только сначала принесите мне мой кардиган... Он около шкафа... тут немножко сыро...

Епиходов. Хорошо-с... принесу-с... Теперь я знаю, что мне делать с моим револьвером... (Берет гитару и уходит, наигрывая.)

Яша. Тридцать три с половиной несчастья! Козёл, между нами говоря. (Зевает.)

Дуняша. Не дай бог, застрелится. И промахнётся.

Пауза.

Я стала тревожная, все беспокоюсь. Меня еще девочкой взяли к олигархам, я теперь отвыкла от простой жизни, и вот руки белые-белые, как у миллиардерши. Нежная стала, такая деликатная, благородная, всего боюсь... Страшно так. И если вы, Яша, поматросите и бросите меня, то я не знаю, что будет с моими нервами. Я тогда за себя не отвечаю.

Яша (целует ее). Мой кузнечик-огуречик! Конечно, каждая барышня должна себя помнить, и я больше всего не люблю, ежели у барышни низкая социальная ответственность.

Дуняша. Я страстно полюбила вас, вы образованный, у вас пээмжэ во Франции, можете обо всем рассуждать.

Пауза.

Яша (зевает) . Да-с... По-моему, так: если девочка втюрилась, то на ней клейма негде поставить.

Пауза.

Приятно выкурить сигару на чистом воздухе... (Прислушивается.) Сюда идут... Это господа олигархи...

Дуняша порывисто обнимает его.

Идите домой, будто ходили на реку купаться, идите этой дорожкой, а то встретятся и подумают про меня, будто я с вами на свидании. Терпеть этого не могу.

Дуняша (тихо кашляет) . У меня от сигары вашей вонючей чайник разболелся... Давайте я вам доминиканские куплю... (Уходит.)

Яша остается, сидит возле часовни. Входят Любовь Андреевна, Гаев и Лопехин .

Лопехин. Надо окончательно решить: мы будем подписывать бумаги или не будем – время не ждет. Вопрос ведь совсем пустой. Согласны вы отдать землю под дачи или нет? Ответьте одно слово: да или нет? Только одно слово!

Любовь Андреевна. Кто это здесь курит отвратительные сигары... (Садится.)

Гаев. Вот железную дорогу перестроили, и стало удобно. (Садится.) Съездили в город к Аркаше и позавтракали... как в обкоме после пленума! Мне бы сначала пойти в дом, облегчиться...

Любовь Андреевна. Успеешь.

Лопехин. Только одно слово! (Умоляюще.) Дайте же мне ответ!

Гаев (зевая). Кого?

Любовь Андреевна (глядит в свое портмоне, перебирает кредитки) . Вчера было много денег, а сегодня совсем ма-

ло. У Вари моей нищebroдство в крови – из экономии кормит всех молочным супом, на кухне старикам дают одну Бондюэль, они прям из банок жрут горох с кукурузой, и тушёнку белорусскую, а я трачу как-то бездарно, на всякое говнище... (Уронила портмоне, рассыпала пачку долларов и евро.) Ну, раззява... (Ей досадно.)

Яша. Позвольте, я денежки своей куриной лапкой приберу. (Собирает банкноты.)

Любовь Андреевна. Будьте добры, Яша. И зачем я поехала завтракать... Дрянной ваш кабак с музыкой, скатерти пахнут мылом, куда смотрел Мишлен, когда звезду давал?... Зачем же так нажираться с утра, Лёня? Ну взял на грудь литр, ну взял два... Ну веди ж себя прилично... Ты ж не в деревенский райком припёрся с инспекцией партийного контроля. Зачем так много жрать, как кадавр, да ещё так чавкать? Ты ж не у председателя свиноводческого совхоза. Зачем так много говорить? Ты ж не на пленуме. Сегодня в ресторане ты опять нёс пургу, как Песков, и все не в кассу. Зачем тебя понесло о семидесятих годах, сначала о дисциплине в ЦК, потом о диссидентах, потом как ты стучал на них в КГБ. И кому? Ты халдеям сопливым рассказывал, как старики пердели заседаниях Политбюро?!

Лопахин. Да. На хера?

Гаев (машет рукой). Я неисправим, это очевидно... (Раздраженно Яше.) Что такое, постоянно мельтешишь перед глазами...

Яша (смеется). Я не могу без смеха ваши бредни слышать. Сейчас уписаюсь!

Гаев (сестре). Или я, или он...

Любовь Андреевна. Отвалите уже, Яша, ступайте, в Майбахе посидите...

Яша (отдает Любови Андреевне кошелек) . Сейчас уйду. (Едва удерживается от смеха.) Сию минуту... (Уходит.)

Лопахин. Вашу землю собирается купить девелопер Дериганов. На торги, говорят, придет сам лично.

Любовь Андреевна. А вы откуда слышали?

Лопахин. Из муниципалитета слили.

Гаев. Ярославская тетушка обещала прислать, а когда и сколько пришлет, неизвестно...

Лопахин. Сколько она пришлет? Тысяч сто долларов? Двести?

Любовь Андреевна. Ну... Тысяч десять—пятнадцать, и на том спасибо.

Лопахин. Простите, таких легкомысленных людей, как вы, господа, таких неделовых, странных, я еще не встречал. Вам, ёптыть, русским языком говорят, что вы просрётё всё, что имеете, а вы точно не понимаете.

Любовь Андреевна. Что же нам делать? Научите, что?

Лопахин. Я вас каждый день мозг выношу. Каждый день я говорю все одно и то же. И вишневый сад и землю необходимо распилить под дачное индивидуальное жилищное строительство, вывести из сельхозоборота, и сделать это те-

перь же, поскорее – аукцион на носу! Поймите! Раз окончательно решите, чтобы были дачи, так денег вам дадут сколько угодно, и вы тогда спасены.

Любовь Андреевна. Дачи, дачники, весь этот чёртов средний класс – это так пошло, простите.

Гаев. Совершенно с тобой согласен.

Лопахин. Я или зарыдаю, или закричу, или в обморок упаду. Не могу! Вы меня просто зае... задолбали своим клиническим идиотизмом, на хер! (Гаеву.) Баба вы!

Гаев. Кого?

Лопахин. Баба! (Хочет уйти.)

Любовь Андреевна (испуганно) . Нет, не уходите, останьтесь, голубчик. Прошу вас. Может быть, надумаем что-нибудь!

Лопахин. О чем тут думать!? Пилить надо!

Любовь Андреевна. Не уходите, прошу вас. С вами все-таки веселее... Вы у нас человек-праздник.

Пауза.

Я все жду чего-то, как будто над нами вот-вот крышу сне-сёт..

Гаев (в глубоком раздумье). Эту реплику с места, товарищи, не надо заносить в протокол...

Любовь Андреевна. Уж очень много мы грешили... Безобразничали...

Лопехин. Какие у вас грехи...

Гаев (кладет в рот леденец). Говорят, что я все свое состояние прососал на леденцах... (Смеется.)

Любовь Андреевна. О, мои грехи... Я всегда сорила деньгами без удержу, как сумасшедшая, и вышла замуж за человека, который делал одни только долги. Муж мой умер от шампанского, – он страшно пил, и уже ничего не мог, а мне было надо – и на несчастье я полюбила другого, из форбса, сошлась, и как раз в это время, – это было первое наказание, удар прямо в голову, – вот тут на реке... утонул мой мальчик, и я уехала за границу, на Лазурный берег, совсем уехала, чтобы никогда не возвращаться, не видеть этой синюшной реки с грязными берегами... Я закрыла глаза, бежала, себя не помня, а он за мной... и брал меня безжалостно, грубо, как шлюху. Купила я дачу возле Ментоны, потом квартиру в кондоминиуме в Монако, так как он заболел там, и три года я не знала отдыха ни днем, ни ночью; больной измучил меня, душа моя и всё женское высохло. А в прошлом году, когда дачу и кондо продали за долги, я уехала в Париж, и там он общипал меня до подпушка, бросил, сошелся с другой, кандидатом филологических наук, я пробовала отравиться... Так глупо, так стыдно... И потянуло вдруг в Россию, на родину, к девочке моей... (Утирает слезы.) Господи, господи, будь милостив, прости мне грехи мои! Не наказывай меня больше! (Достает из кармана телефон.) Получила сегодня эсмээску из Парижа... Просит прощения, умо-

ляет вернуться... (выключает телефон) Словно где-то музыка. (Прислушивается.)

Гаев. Это наш камерный еврейский оркестр. Помнишь, четыре скрипки, две виолончели, флейта и контрабас. Был ещё клавесин, но пианист повесился.

Любовь Андреевна. Значит, наш муззвод еще существует? Его бы к нам зазвать как-нибудь, устроить вечерок.

Лопахин (прислушивается). Не слышать... (Тихо и гнусаво напевает.) «Новый кадиллак, новый кадиллак». (Смеется.) Какую я вчера пьесу смотрел в Новой драме, очень смешно.

Любовь Андреевна. И, наверное, ничего нет смешного. Вам не пьесы смотреть, а смотреть бы почаще на самих себя. Как вы все нудно живете, как много говорите лишнего.

Лопахин. Это правда. Жизнь у нас зверско-дурацкая...

Пауза.

Мой папаша был бандит от сохи, идиот, ничего не понимал, меня не учил, а только бил когда нажрётся, и все палкой. В сущности, и я такой же болван и идиот. Ничему не обучался, почерк у меня скверный, компьютером еле пользуюсь, электронную почту никак не освою, а в Ватсапе пишу я так, что от людей совестно, как свинья.

Любовь Андреевна. Жениться вам нужно, мой друг.

Лопахин. Да... Это правда. Уже накипело, сил нет.

Любовь Андреевна. На нашей бы Варе. Она хорошая девушка. Выносливая.

Лопехин. Да.

Любовь Андреевна. Она ведь у меня из простых, работает целый день, а главное, вас любит. Да и вам-то давно нравится.

Лопехин. Что же? Я не прочь... Она девушка видная, всё при ней.

Пауза.

Гаев. Мне предлагают место в банке. По связям с общественностью. Шестьсот тысяч рублей в месяц... Слыхала?

Любовь Андреевна. Где тебе! Ты ж не по этой части, кассу проиграешь или пропьёшь. Сиди уж...

Фирс входит; он принес пальто.

Фирс (Гаеву). Извольте, товарищ Гаев, Леонид Андреич то есть, надеть, а то сыро.

Гаев (надевает пальто). Надоел ты, брат.

Фирс. Нечего там... Утром уехали водку жрать, не сказавшись. (Оглядывает его.)

Любовь Андреевна. Как ты постарел, Фирс!

Фирс. Чего изволите?

Лопехин. Говорят, ты постарел очень, дятел ты наш ста-

линский.

Фирс. Живу давно. Меня женить собирались, а вашего папаша еще на свете не было... (Смеется.) А воля вышла, я уже полковником госбезопасности был бы. Тогда я не согласился на погоны, остался при партийных товарищах...

Пауза.

И помню, все рады, а чему рады, и сами не знают.

Лопехин. Прежде очень хорошо было. По крайней мере, порядок был.

Фирс (не расслышав) . А еще бы. Мужики при колхозах, заводы при мужиках, а теперь все враздробь, не поймешь ничего.

Гаев. Помолчи, Фирс. Завтра мне нужно в город. Обещали познакомить с одним бывшим генералом, решалой козырным, который может разрулить тему с банкротством.

Лопехин. Ничего у вас не выйдет. И не заплатите вы процентов, будьте покойны.

Любовь Андреевна. Это он бредит. Никаких решал-генералов нет.

Входят Трофимов, Аня и Варя .

Гаев. А вот и наши идут.

Аня. Маман сидит.

Любовь Андреевна (нежно) . Иди, иди... Родные мои... (Обнимая Аню и Варю) . Если бы вы обе знали, как я вас люблю. Садитесь рядом, вот так.

Все усаживаются.

Лопахин. Наш вечный студент все с барышнями ходит.

Трофимов. Не ваше дело. Может, я тоже барышня.

Лопахин. Ему пятьдесят лет скоро, а он все еще студент.

Трофимов. Оставьте ваши дурацкие подколки.

Лопахин. Что же ты, чудила грешная, сердисься?

Трофимов. А ты не приставай.

Лопахин (смеется) . Позвольте вас спросить, как ты обо мне понимаешь?

Трофимов. Я, Ермолай Алексеич, так понимаю: ты очень богатый человек, будешь скоро миллиардером, в Форбс попадёшь, яхту купишь, самолёт реактивный. Вот как в смысле экологии в природе нужен хищный зверь, который жрёт все, что попадается ему на пути, так и ты нужен.

Все смеются.

Варя. Вы, Петя, расскажите лучше о Неопознанных летающих объектах.

Любовь Андреевна. Нет, давайте продолжим вчерашний разговор.

Трофимов. О чем был базар?

Гаев. О гордом человеке.

Трофимов. Мы вчера говорили долго, но ни до чего не договорились. В гордом человеке, в вашем смысле, есть что-то мистическое. И богопротивное. Быть может, вы и правы. По-своему. Но если рассуждать попросту, без затей, то какая там гордость, на хер? Смысла нет кочевряться и выкобениваться, понты наколачивать, если человек – это животное, физиологически устроен бездарно, беззащитно, даже ковид его убивает. И если в своем большинстве тотальном человек груб, неумен, глубоко несчастлив., и при этом сам от себя в полном восторге. Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать.

Гаев. Все равно умрешь.

Трофимов. Кто знает? И что значит – умрешь? Быть может, у человека сто чувств и со смертью погибают только пять, известных нам, а остальные девяносто пять остаются живы. А вы знаете про жизнь после смерти? Раймонда Модии читали? Роберта Монро читали? Станислава Грофа читали?

Любовь Андреевна. Какой вы умный, Петя!.. Не башка, а дом Политпросвещения.

Лопахин (иронически). Страсть!

Трофимов. Человечество идет вперед, совершенствуя свои силы. Все, что недостижимо для него теперь, когда-нибудь станет близким, понятным, только вот надо работать,

помогать всеми силами тем, кто ищет истину. У нас в России работают пока очень немногие, один из семи, остальные либо охранники, либо алкоголики, либо тунеядцы. Громадное большинство той интеллигенции, какую я знаю, ничего не ищет, ничего не делает и к труду пока не способно. Многие вообще из страны сбежали, говорят, мы не можем жить в этой стране. Называют себя креативным классом, а пролетариату и трудовому крестьянству говорят «ты», с простыми людьми обращаются, как с животными, учатся плохо, серьезно ничего не читают, ровно ничего не делают, о науках только говорят, в искусстве понимают мало. И при этом все серьезные, у всех строгие лица, все говорят только о важном, философствуют, и, ни хрена не умея делать, качают права, требуют демократии и зарплат как на Западе. А между тем у всех на глазах пенсионеры и инвалиды едят отвратительно. Хуже только гастарбайтеры, которые вообще спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате, везде клопы, смрад, сырость, нравственная нечистота... И, очевидно, все хорошие разговоры у нас для того только, чтобы отвести глаза себе и другим. Укажите мне, где у нас ясли, которых было так много при советской власти, где библиотеки-читальни? О них только в романах про СССР пишут, на деле же их нет совсем. Есть только грязь, пошлость, азиатчина... Я боюсь и не люблю очень серьезных физиономий, боюсь серьезных разговоров. А олигархи всю кровь из экономики выпили и спустили на проституток в Тайланде. Лучше помолчим!

Лопехин. Знаете, я встаю в пятом часу утра, работаю с утра до вечера, ну, у меня постоянно деньги свои и чужие, и я вижу, какие кругом люди. Надо только начать делать что-нибудь, чтобы понять, как мало честных, порядочных людей. Иной раз, когда не спится, я думаю: господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие нефтегазовые горизонты, фосфаты, руду, уран, и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами...

Любовь Андреевна. Вам понадобились великаны... Они только в сказках хороши, а так они пугают. Я как-то несколько раз встречалась с великанами. Это ужас-ужас-ужас...

В глубине сцены проходит Епиходов и играет на гитаре.

(Задумчиво.) Епиходов идет...

Аня (задумчиво). Епиходов идет...

Гаев. Солнце село, господи.

Трофимов. Да.

Гаев (негромко, как бы декламируя) . О природа, дивная, ты блещешь вечным сиянием, прекрасная и равнодушная, ты, которую мы называем матерью, сочетаешь в себе бытие и смерть, ты живешь и разрушаешь...

Варя (умоляюще). Дядечка Лёничка!

Аня. Дядя, неужели снова белочка?

Трофимов. Вы лучше лысого в середину дуэтом.

Гаев. Я молчу, молчу.

Все сидят, задумались. Тишина. Слышно только, как тихо бормочет Фирс. Вдруг раздается отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный.

Любовь Андреевна. Это что?

Лопяхин. Не знаю. Где-нибудь стреляли с глушителем из лобаевской винтовки, километра на два. Но где-нибудь очень далеко.

Гаев. А может быть, птица какая-нибудь... вроде цапли.

Трофимов. Или филин...

Любовь Андреевна (вздрагивает). Жуть какая...

Пауза.

Фирс. Перед несчастьем такое ж было: и сова козлодоем кричала, и самовар гудел бесперечь, как шофар в синагоге.

Гаев. Перед каким несчастьем?

Фирс. Перед Перестройкой.

Пауза.

Любовь Андреевна. Знаете, друзья, пойдемте, уже вечерет. (Ане.) У тебя на глазах слезы... Что ты, девочка? (Обнимает ее.)

Аня. Это так, мама. Критические дни.

Трофимов. Кто-то идет.

Показывается прохожий в белой потасканной бейсболке, в пальто; он слегка пьян.

Прохожий. Позвольте вас спросить, могу ли я пройти здесь прямо на станцию?

Гаев. Я не возражаю. Можете. Идите по этой дороге.

Прохожий. Чувствительно вам благодарен. (Кашлянув.) Погода превосходная... (Декламирует.) Брат мой, страдающий брат... выдь на Волгу, чей стон... (Варе.) Мадемуазель, donate голодному гражданину РФ, бюджетнику, тридцать-сорок рублей, можно перевести на карту...

Варя испугалась, вскрикивает.

Лопухин (сердито). Слышь, ты, нищелюб, веди себя прилично!

Любовь Андреевна (оторопев) . Возьмите... вот вам... (Ищет в портмоне.) Рублей нет... Все равно, вот вам сто долларов...

Прохожий. Чувствительно вам благодарен! (Уходит.)

Смех.

Варя (испуганная) . Я уйду... я уйду... Ах, мамочка, дома людям есть нечего, а вы ему отдали сто долларов.

Любовь Андреевна. Что ж со мной, глупой, делать! Я тебе дома отдам все, что у меня есть. Ермолай Алексеич, дадите мне еще денег, сочтёмся!..

Лопахин. Дам, как не дать.

Любовь Андреевна. Пойдемте, господа, пора. А тут, Варя, мы тебя совсем просватали, поздравляю.

Варя (сквозь слезы) . Этим, мама, шутить нельзя.

Лопахин. Опохмелия, иди в монастырь... В Зачатьевский... Ха-ха-ха, там много с зачатием...

Гаев. А у меня дрожат руки: давно не играл на бильярде.

Лопахин. Опохмелия, о нимфа, помяни меня в твоих молитвах!

Любовь Андреевна. Идемте, господа. Скоро ужинать.

Варя. Напугал он меня этот нищий чувак. Откуда он тут взялся? Сердце так и стучит.

Лопахин. Так охрана пьёт беспробудно, ёптыть, денег же вы им не платите который месяц. Напоминаю вам, коллеги: двадцать третьего августа будет продаваться вишневый сад. Думайте об этом!.. Думайте!..

Уходят все, кроме Трофимова и Ани.

Аня (смеясь) . Спасибо прохожему, напугал Варю, теперь мы одни.

Трофимов. Варя боится, а вдруг мы полюбим друг друга, и целые дни не отходит от нас. Она своей узкой головой не может понять, что мы, трансгендеры и квиры, выше любви. Обойти то мелкое и призрачное, что мешает быть свободным и счастливым, – вот цель и смысл нашей жизни. Вперед! Мы идем неудержимо к яркой радужной звезде, которая горит там вдали! Вперед! Не отставай, друзья!

Аня (всплескивая руками) . Как хорошо вы говорите!

Пауза.

Сегодня здесь дивно!

Трофимов. Да, погода располагает.

Аня. Что вы со мной сделали, Петя, если б сменили ориентацию? Отчего я уже не люблю вишневого сада, как прежде. Я любила его так нежно, мне казалось, на земле нет лучше места, как наш сад.

Трофимов. Вся Россия наш садик. Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест: Амстердам, Сан-Франциско, Паттайя... Скоро и у нас зацветут все цветы.

Пауза.

Подумайте, Аня: ваш дед, прадед и все ваши предки были коммунистами, владевшие всей страной, и столько людей расстреляли, и сколько закопано под этим садом? Неужели

с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голосов... Владеть живыми душами – ведь это переродило всех вас, живших раньше и теперь живущих, так что ваша мать, вы, дядя уже не замечаете, что вы живете в долг, на чужой счет, на счет тех людей, которых вы не пускаете дальше прихожей... Мы отстали по крайней мере лет на двести, у нас нет еще ровно ничего, нет определенного отношения к прошлому, мы только философствуем, жалуемся на тоску или пьем водку. Ведь так ясно, чтобы начать жить в настоящем, надо сначала искупить наше прошлое, покончить с ним, а искупить его можно только страданием, только необычайным, непрерывным трудом. Поймите это, Аня.

Аня. Дом, в котором мы живем, давно уже не наш дом, это была госдача, потом приватизировали, потом передавали из рук в руки... и я уйду, даю вам слово.

Трофимов. Если у вас есть ключи от хозяйства, то бросьте их в колодец и уходите. Будьте свободны, как ветер. Уезжайте в Пермь. Или в Саратов. Или в Элисту!

Аня (в восторге) . Как хорошо вы сказали! Но я лучше в Нью-Йорк, у меня грин-карта.

Трофимов. Верьте мне, Аня, верьте! Мне еще нет тридцати, я молод, я еще студент, но я уже столько вынес! Как зима, так я голоден, болен, встревожен, беден, как нищий, и – куда только судьба не гоняла меня, где я только не был! На какие только митинги я не ходил, в какие только партии

не вступал! И все же душа моя всегда, во всякую минуту, и днем и ночью, была полна неизъяснимых предчувствий. Я предчувствую счастье, Аня, я уже вижу его...

Аня (задумчиво). Восходит луна. Какая-то она кровавая сегодня.

Слышно, как Епиходов играет на гитаре все ту же грустную песню. Восходит луна. Где-то около тополей Варя ищет Аню и зовет: «Аня! Где ты?»

Трофимов. Да, восходит луна. Это знак.

Пауза.

Вот оно, счастье, вот оно крадётся, подходит все ближе и ближе, я уже слышу его шуршание. И если мы не увидим, не узнаем его, то что за беда? Его увидят другие!

Голос Вари: «Аня! Где ты?»

Опять эта Варя! (Сердито.) Возмутительно! Кишки уже все вымотала, ей бы только окольцевать буржуя.

Аня. Что ж? Пойдемте к Москва-реке. Там ништяк. Спокойно выпьем, дунем, понюхаем.

Трофимов. Пойдемте. У меня как раз есть.

Идут.

Голос Вари: «Аня! Мать твою! Аня! Ну где ты, зараза, шляешься?!»

Действие третье

Гостиная, отделенная аркой от зала. Горит люстра. Слышно, как в передней играет еврейский оркестр, тот самый, о котором упоминается во втором акте. Вечер. В зале танцуют grand-rond. Голос Симеонова-Пищика: «Promenade a une paire!» Выходят в гостиную: в первой паре Пищик и Шарлотта Ивановна, во второй – Трофимов и Любовь Андреевна, в третьей – Аня с почтовым чиновником, в четвертой – Варя с начальником станции и т. д. Варя тихо плачет и, танцуя, утирает слезы. В последней паре Дуняша. Идут по гостиной. Пищик кричит: «Grand-rond, balancez!» и «Les cavaliers a genoux et remerciez vos dames!»

Фирс во фраке проносит на подносе Perrier и Evian. Входят в гостиную Пищик и Трофимов.

Пищик. Я гипертоник, уже пару раз кондрашка хватала, чуть лапы не склеил, и дрыгать ими не могу, как раньше. Оттанцевался я. Но, как говорится... Как же, блин, говорится? Короче, типа там лай не лай, а хвостом виляй. Здоровье-то у меня лошадиное. Мой покойный папаша, шут-

ник, царство небесное, заказал себя происхождение, типа, мы древний дворянский род. Так эта сволочь из дворянской шарашки вывела, что древний род наш Симеоновых-Пищиков происходит будто бы от той самой лошади, которую Калигула посадил в сенате... И написал, что Калигула пялил эту лошадь, и получались кентавры, которые уже пялили баб, а те пищали от восторга... Поэтому мы Пищиковы. (Садится.) Но вот беда: бабла нет! Голодная псина верует только в мясо... (Храпит и тотчас же просыпается.) Так и я... могу только за бабки...

Трофимов. А у вас в фигуре в самом деле есть что-то от мерина.

Пищик. Что ж... лошадь хороший зверь... лошадь продать можно... Любите конскую колбаску?

Слышно, как в соседней комнате играют на бильярде.
В зале под аркой показывается Варя.

Трофимов (дразнит). Мадам Лопахина! Мадам Лопахина!..

Варя (сердито). Облезлое чмо! Облезлый пидор!

Трофимов. Да, я чмо облезлое, и горжусь этим!

Варя (в горьком раздумье). Вот наняли музыкантов, сманили лабухов у Лепса, а чем платить? (Уходит.)

Трофимов (Пищику). Если бы энергия и бабки, что вы спаскудили на добычу денег для уплаты процентов бандитам

всех мастей, пошли у вас на что-нибудь другое, то, вероятно, в конце концов вы могли бы перевернуть землю. Тем па-че, построить коттеджный посёлок. Даже из мусора, как ка-кое-нибудь “Княжье озеро”.

Пищик. Ницше... философ... величайший, знаменитей-ший... громадного ума человек, предвидел в своих сочи-нениях, будто крипто майнить можно.

Трофимов. А вы читали Ницше?

Пищик. Ну... Мне Дашенька говорила. А я теперь в та-ком положении, что хоть чужие криптокошельки хакай... Послезавтра триста десять тысяч рублей платить... Сто тридцать косарей уже достал... (Ощупывает карманы, встре-воженно.) Деньги просрал! Просрал деньги! (Сквозь слезы.) Где лавешки? (Радостно) . Вот они, за подкладкой... В пот шибануло, сфинктер послабило...

Входят Любовь Андреевна и Шарлотта Ивановна .

Любовь Андреевна (напевает лезгинку) . Отчего так долго нет Леонида? За каким он попёрся в город? (Дуняше.) Дуняша, предложите музыкантам чаю... Хотя это же Гриши Лепса люди... Коньяку им ящик.

Трофимов. Торги не состоялись, по всей вероятности.

Любовь Андреевна. И музыкантов принесло некстати, и бал этот а-ля Татлер мы затеяли некстати... Ну, ничего... (Садится и тихо напевает.)

Шарлотта (подаёт Пищику колоду карт) . Вот вам колода карт, задумайте какую-нибудь одну карту. Только не бубнового вольта, придурки нефартовые уже заманали.

Пищик. Задумал.

Шарлотта. Тусуйте теперь колоду. Отлично, но не передергивайте, я вас знаю. Дайте сюда, о мой милый господин Пищик. Ein, zwei, drei! Теперь прошманайте свой пинжмак, в боковом кармане...

Пищик (достаёт из бокового кармана карту) . Восьмерка пик, совершенно верно! (Удивляясь.) Ни хера се!

Шарлотта (держит на ладони колоду карт, Трофимову) . Говорите скорее, какая карта сверху?

Трофимов. Что ж? Ну, дама пик.

Шарлотта. Есть! (Пищику.) Ну? Какая карта сверху?

Пищик. Туз червовый.

Шарлотта. Есть!.. (Бьет по ладони, колода карт исчезает.) Какое небо голубое!

Мы не сторонники разбоя!

Ей отвечает **таинственный женский голос**, точно из-под пола: «На дурака не нужен нож».

Ему с три короба наврёшь...

Голос: «И делай с ним что хошь!»

Начальник станции (аплодирует) . Госпожа чревовещательница, bravo!

Пищик (удивляясь) . Вы подумайте! Очаровательнейшая Шарлотта Ивановна... я просто влюблен... О, майн Готт! Дас ис фантастиш!

Шарлотта. Влюблен? (Пожав плечами.) Разве вы можете любить? Guter Mensch, aber schlechter Musikant.

Трофимов (хлопает Пищика по плечу). Конь вы глупый...

Шарлотта. Прошу внимания, еще один фокус. (Берет со стула плед.) Вот очень хороший плед, я желаю продавать... (Встряхивает.) Не желает ли кто покупать?

Пищик (удивляясь) . Вы подумайте!

Шарлотта. Ein, zwei, drei! (Быстро поднимает опущенный плед.)

За пледом стоит Аня; она делает реверанс, бежит к матери, обнимает ее и убегает назад в залу при общем восторге.

Любовь Андреевна (аплодирует). Bravo, bravo!..

Шарлотта. Теперь еще! Ein, zwei, drei.

Поднимает плед; за пледом стоит Варя и кланяется.

Пищик (удивляясь) . Ни фига себе!

Шарлотта. Конец! (Бросает плед на Пищика, делает ре-

веранс и убегает в залу.)

Пищик (спешит за ней) . Вот чертовка... какова? Какова? Она в казино работала, пока не прикрыли все лавочки (Уходит.)

Любовь Андреевна. А Леонида все нет. Чего он залип в городе, шарится так долго, не понимаю! Ведь все уже кончено там, либо нас продали с потрохами, либо торги не состоялись, но какого нас держать в блудняке и непонятках?

Варя (стараясь ее утешить). Дядечка Ленечка наш купил, стопудово.

Трофимов (насмешливо). Да.

Варя. Бабушка прислала ему генеральную доверенность, чтобы он купил на ее имя с переводом долга. Это она для Ани старается. И я уверена, бог поможет, дядя Лёня купит.

Любовь Андреевна. Ярославская бабка прислала пятаху, чтобы купить нашу землю на ее имя, – нам она не верит, – а этого смешного бабла не хватило бы даже на проценты. (Закрывает лицо руками.) Сегодня судьба моя на кону, судьба...

Трофимов (дразнит Варю) . Мадам Лопахина!

Варя (сердито). Вот же чмо очкастое! Уже два раза вышибли из МГУ.

Любовь Андреевна. Что же ты бурчишь, Варя? Он подкалывает тебя Лопахиным, ну что ж? Хочешь – выходи за Лопахина, он хороший, интересный человек, а главное – при лаве серьезном. Не хочешь – не выходи; тебя, дуся, никто

силком не тащит...

Варя. Я тёлка ответственная, мамочка, и тебе скажу прямо: он офигенный чувак, мне по кайфу.

Любовь Андреевна. Ну так вперёд, в ЗАГС. Не догояню, чего тянуть кота за яйца!

Варя. Маман, не по понятиям самой делать ему предложение. Вот уже два года мне про него мозг выносят, но только один триндёж, а он либо хохмит, либо в несознанке. Я понимаю. Он бабло наживает, типа папик при делах, олигарх-лайт, и ему не до меня. Если бы были у меня бабки, хоть немного, хоть бы тысяч сто долларов, бросила бы я все, ушла бы подальше. В монастырь бы ушла. В Зачатьевский, на Остоженку.

Трофимов. Благолепие! Я в ахуе!

Варя (Трофимову). Студенту надо хотя бы мозг иметь, не только задницу! (Мягким тоном, со слезами.) Какой вы стали некрасивый, Петя-Петушок, как постарели, небось, гормоны женские пьёте и жигулёвским запиваете! (Любови Андреевне, уже не плача.) Без дела не могу торчать, мамочка. Мне каждую минуту надо что-нибудь делать.

Входит Яша .

Яша (едва удерживаясь от смеха). Епиходов бильярдный кий сломал!.. Об мою задницу (Уходит.)

Варя. Епиходов на хрен здесь сдался? Кто ему позволил

трогать наш бильярд? Не понимаю этих утырков! (Уходит.)

Любовь Андреевна. Не вздрачивайте её, Петя! Её и без того нахлобучило.

Трофимов. Уж очень она старательная и настырная, лезет, куда не просят. Все лето кишки мне мотала, и Ане, боялась, как бы я ей не присунул. Какое её собачье дело? И к тому же я вида не подавал. Что за пошлятина эта любовь? Будем выше любви!

Любовь Андреевна. А я вот, должно быть, ниже любви. (В сильном беспокойстве.) Где же черти Лёню носят? Только бы знать: продали нас или нет? Мы в жопе или не в жопе? Отказываюсь верить, что в жопе... Сейчас как взвизгну... Бля буду, заору дурным голосом... Косяков напорю... Спасите меня, Петя. Говорите же что-нибудь, говорите...

Трофимов. Продали, не продали – не до фени ли? С нашей землёй давно уже покончено, оглобли взад не поворотить, заросла асфальтовая дорожка. Успокойтесь, родная. Не надо нажухивать себя, надо хоть раз в жизни взглянуть правде прямо в глаза.

Любовь Андреевна. Какой еще такой правде? Где правда? Где неправда? Навести бы ведущий глаз на резкость, а то не вижу ничего. Вы вопросыки решаете, но скажите, голубчик-с, не потому ли это, что вы молоды, что вы не успели огрести ни от одного вашего вопроса? Вы смело ломитесь вперед, а всё потому, что засад не видите, ни от ментов, ни от чекистов, ни от налоговой, ни от бандитов, ни от просто

злобных завистливых сук, соседей наших и друзей. Молодой ещё. Да, вы наглее, напористее, хитрее нас, но пораскиньте мозгами и проявите ко мне хотя бы простую милость. Я почти что родилась здесь, здесь жили мои отец и мать, мой дед, каким бы кровавым сталинским палачом он не был, я люблю этот дом, эти гаражи, эти все хозблоки, без вишневого сада я не понимаю своей жизни! Да на хер она мне нужна, такая жизнь, сейчас я всем нужна, все меня знают, а как продам – кто я тогда? Что у меня есть? Запомните на всю жизнь – в этом мире уважают только фондодержателей. Так я козырная баба с Рублёвки, у меня земли драгоценной хоть жопой ешь, и все меня знают и принимают, а без земли и имущества я кто? Шалава-беспризорница, любой козёл, любая шлюха рублёвская об меня ноги будет вытирать. Если уж так нужно продавать, то продавайте и меня вместе с садом... (Обнимает Трофимова, целует его в лоб.) К тому же, мой сын утонул здесь... (Плачет.) Пожалейте меня, хороший, добрый человек.

Трофимов. Сочувствую. Больше, чем профессор Преображенский детям Германии. Типа всей душой.

Любовь Андреевна. Хм, как-то иначе вам надо было это сказать... (Вынимает платок, на пол падает смартфон.) У меня сегодня кошки на душе скребутся, вы не можете себе представить. Здесь меня колбасит от каждого звука, в дрожь бросает, бьёт колотун, а зашифроваться у себя не могу – одной в тишине страшно. Не осуждайте меня, Петя... Я вас

люблю, как родного. Я охотно бы спихнула вас Аню, клянусь мамой, только, голубчик, надо же доучиться, диплом получить и пристроиться куда-то, в Роснефть там или в Газпром. Вы ж ничего не делаете, только груши этой своей штучкой вялой околачиваете, и фарт вам не прёт... Не правда ли? Да? И надо же что-нибудь с бородой сделать, сходите в барбершоп, или машинкой подстригите, чтобы она росла как-нибудь... (Смеется.) А то не то бомж, не то раввин, не то поправасстрига!

Трофимов (поднимает смартфон). Я не желаю быть красивцем. И так меня задолбали все, что я жирный пидор и что у меня неопущение яичек.

Любовь Андреевна. Это из Парижа эсмээска. Каждый день получаю. И вчера, и сегодня. Этот дикий человек, этот сексуальный маньяк, опять заболел, опять с ним нехорошо... Я целое состояние извела, лечила его от урогенитальных инфекций. Он просит прощения, умоляет приехать. По-хорошему, надо бы сгонять до Парижу, побыть возле него, сходить к Дюкасу и на рю Камбон. Не делайте, Петя, строгое лицо, вы себе даже не представляете, как этот бисекс делает куни. Голубчик мой, что мне делать, у меня зубы сводит, к тому же он болен, он одинок, несчастлив! Кто там, среди этих французских лоботрясов, поглядит за ним, кто удержит его от сексуальных ненужных приключений, кто уколет ему вовремя лекарство от триппера? И что ж тут скрывать? Что молчать? Я люблю его, этого грязного развратного педера-

ста, никто так меня не чувствует, как он, это ясно. Люблю, люблю... Это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу. (Жмет Трофимову руку.) Не думайте дурно, Петя, не говорите мне ничего, не говорите...

Трофимов (сквозь слезы). Простите за откровенность, бога ради: ведь он выщипал вас до подпушка, вам, извините, трусы целые не на что купить, я видел в ванной – у вас трусы все рваные и обосранные!

Любовь Андреевна. Нет, нет, нет, не надо говорить так... (Закрывает уши.)

Трофимов. Ведь он негодяй, он пользуется вас только сзади, как мальчишку, у вас уже недержание, все это знают, только вы одна не знаете, что все про вас всё знают! Он мелкий негодяй, ничтожество, извращенец...

Любовь Андреевна (рассердившись, но сдержанно). Вам двадцать шесть лет или двадцать семь, а вы всё ещё на втором курсе! И не знаете всех превратностей любви!

Трофимов. Пусть! Но у меня зато прямая кишка не выпадает.

Любовь Андреевна. И что? Только это делает вас мужчиной? Можно быть мужчиной и с расслабленным сфинктером, в ваши годы пора уже понимать тех, кто любит. И надо самому любить... надо влюбляться! (Сердито.) Да, да! И у вас нет чистоты, а вы просто чистоплюй, смешной никчёмный мудака, урод...

Трофимов (в ужасе). Что она несёт!

Любовь Андреевна. «Я выше любви!» Вы не выше любви, а просто, как вот говорит наш Фирс, вы недотраханый недотёпа. В ваши годы не иметь любовницы!.. Или любовника! Нашёл бы себе пожилую семейную пару и обслуживал бы обоих, хоть бы ботинки себе приличные купил, прыщавый дровичила-нищеброд!

Трофимов (в ужасе). Это ужасно! Что она говорит?! (Идет быстро в зал, схватив себя за голову.) Это ужасно... Не могу, я уйду... (Уходит, но тотчас же возвращается.) Между нами все кончено! Больше на вас я дровичить не буду! (Уходит в переднюю.)

Любовь Андреевна (кричит вслед). Петя, погодите! Вот же дурачок обидчивый, я пошутила! Петя!

Слышно, как в передней кто-то быстро идет по лестнице и вдруг с грохотом падает вниз. Аня и Варя вскрикивают, но тотчас же слышится смех.

Что там такое?

Вбегает Аня .

Аня (смеясь) . Петя с лестницы навернулся! (Убегает.)

Любовь Андреевна. Какой же мудака этот Петя...

Начальник станции останавливается среди залы и читает «Грешницу» А. Толстого. Его слушают, но едва он прочел несколько строк, как из передней доносятся звуки вальса, и чтение обрывается. Все танцуют. Проходят из передней Трофимов, Аня, Варя и Любовь Андреевна.

Ну, Петя... ну, чистая душа... я прощения прошу... Пойдемте танцевать... Я вам куплю новые ботинки... и свежие носки... (Танцует с Петей.)

Аня и Варя танцуют. Фирс входит, ставит свою палку около боковой двери. Яша тоже вошел из гостиной, смотрит на танцы.

Яша. Что, старичок?

Фирс. Нездоровится. Прежде у нас на балах танцевали генералы, адмиралы, дипломаты, партийные, а теперь посылаем на почту за мелким чиновником и на железную дорогу за начальником станции, да и те не в охотку идут. Что-то ослабел я. Хозяин покойный, дедушка, всех сургучом пользовал, от всех болезней. Я сургуч принимаю каждый день уже лет двадцать, а то и больше, и водкой запиваю; может, я от него и жив.

Яша. Надоел ты, козлятина. (Зевает.) Хоть бы ты поскорее подох.

Фирс. Эх ты... недотёпа! Раззява! (Бормочет.)

Трофимов и Любовь Андреевна танцуют в зале, потом в гостиной.

Любовь Андреевна. Мерси. Я посижу, покурю... (Садится.) Устала.

Входит Аня .

Аня (взволнованно) . А сейчас на кухне какой-то чувак говорил, что вишневый сад уже продан сегодня.

Любовь Андреевна. Кому продан?

Аня. Не сказал, кому. Свалил. (Танцует с Трофимовым, оба уходят в зал.)

Яша. Это там какой-то старикашка болтал. Чужой.

Фирс. А Леонида Андреича еще нет, не приехал. Пальто на нем легкое, Армани, из рыбьей чешуи, того гляди простудится. Эх, молодо-зелено.

Любовь Андреевна. Я сейчас схохну. Сгоняйте, Яша, узнайте, кому продано.

Яша. Да он давно ушел, старик-то. (Смеется.)

Любовь Андреевна (с легкой досадой) . Ну, чего ржёте? Чему радоваться?

Яша. Очень уж Епиходов смешной. Пустой человек. Тридцать три несчастья.

Любовь Андреевна. Фирс, если продадут нашу землю,

то куда ты пойдешь?

Фирс. Куда прикажете, туда и пойду. Скажете “на хер” – пойду на хер...

Любовь Андреевна. Отчего у тебя рожа такая опухшая? Не похмелился или ковид подцепил? Шел бы, знаешь, спатки, не брызгай тут соплями заразными...

Фирс. Да... (С усмешкой.) Я уйду спать, а без меня тут кто подаст, кто распорядится? Один на весь дом среди банды тунеядцев.

Яша (Любови Андреевне). Любовь Андреевна! Просьба, будьте так добры! Если опять поедете в Париж, то возьмите меня с собой, сделайте милость. Здесь мне оставаться – просто вилы (двумя пальцами как бы втыкает себе в горло вилы и оглядываясь, вполголоса.) Сами видите, страна под санкциями, народ безнравственный, только бухает и сношается, по телеку одна скука, на кухне кормят безобразно, а тут еще Фирс этот ходит, кроет меня последними словами. Возьмите меня с собой, будьте так добры!

Входит Пищик .

Пищик. Позвольте просить вас... на медленный танец, прекраснейшая... (Любовь Андреевна идет с ним.) Очаровательная, все-таки сто восемьдесят тыщ рубликов я сдрючу с вас... Сдрючу... (Танцует.) Сто восемьдесят тыщоночек...

Перешли в зал.

Яша (тихо напевает) . «Поймешь ли ты души моей волненье...»

В зале фигура в сером цилиндре и в клетчатых панталонах, машет руками и прыгает; крики: «Браво, Шарлотта Ивановна!»

Дуняша (остановилась, чтобы попудриться) . Хозяйка велит мне танцевать – кавалеров много, а дам мало, – а у меня от танцев кружится голова, сердце бьется. Фирс Николаевич, а сейчас дядька с почты такое мне залудил, что у меня жабры переклинило.

Музыка стихает.

Фирс. Что же он тебе сказал?

Дуняша. Вы, говорит, как цветок.

Яша (зевает) . Колхоз... (Уходит.)

Дуняша. Как цветок... Я такая деликатная девушка, ужасно люблю нежные слова.

Фирс. Закрутишься ты, поймает он тебя, ох, по самое небалуй поймает.

Входит Епиходов .

Епиходов. Вы, Авдотья Федоровна, не желаете меня видеть... как будто я какое членистоногое. Типа, куда член, туда и ноги (Вздыхает.) Эх, жизнь!

Дуняша. Ну что вы от меня хотите, кроме этого самого?

Епиходов. Несомненно, может, вы и правы. (Вздыхает.) Но, конечно, если взглянуть с точки зрения, то вы, позволю себе так выразиться, извините за откровенность, совершенно привели меня в состояние духа. Я знаю свою нефартовость, каждый день залипаю в какое-нибудь дерьмо, и к этому я давно уже привык, так что с улыбкой гляжу на свою судьбу. Вы дали мне слово, и хотя я...

Дуняша. Ладно, после побазарим, а теперь оставьте меня в покое. Я мечтаю о сбыче мечт, как на марафоне у Блиновской. (Играет веером.)

Епиходов. Хоть у меня говнище каждый день, но, позволю себе так выразиться, только улыбаюсь, даже смеюсь, потому что я человек положительный, с характером, а не спиноза какая-нибудь.

Входит из залы Варя .

Варя. Ты таки все еще не ушел, Семен Моисеич? Какой же ты, право, назойливый дядя. (Дуняше.) Ступай отсюда, Дуняша. (Епиходову.) То на бильярде кий ломаешь, то по гостинной расхаживаешь, будто тебя сюда кто-то звал.

Епиходов. Мне предъявлять, позвольте вам выразиться, вы не можете. И вообще-то я Пантелеич. К Моисеичам отношения не имею.

Варя. Это не предъява, это намёк, чтоб ты свалил. Только и знаешь, что слоняешься с места на место, а делом не занимаешься. На хрена мы тебя, бухгалтера, держим? Бабла-то нет? На хрена ты тогда тут нужен?.

Епиходов (обиженно). Работаю ли я, хожу ли, кушаю ли, играю ли на бильярде, про то могут рассуждать только люди понимающие и старшие. А ты сама по жизни вообще кто?

Варя. Ты смеешь мне говорить это! (Вспылив.) Ты смеешь? Значит, я тут никто? Пошёл вон! Вали отсюда!

Епиходов (струсив). Прошу вас выражаться деликатным способом.

Варя (выйдя из себя). К такой-то матери, вон отсюда!

Он идет к двери, она за ним.

Тридцать три несчастья несчастья! Чтобы духу твоего здесь не было! Иди и заныкайся, глаза мои чтоб тебя не видели!

Епиходов вышел, за дверью **его голос**: «Я на вас буду жаловаться в инстанции».

А, ты назад идешь? (Хватает палку, поставленную около

двери Фирсом.) Иди... Иди... Иди, я тебе покажу... А, ты идешь? Идешь? Так вот же тебе... (Замахивается.)

В это время входит Лопахин. Варя по инерции бьет Лопахина.

Лопахин. Ёптыть! Больно! И за что?

Варя (сердито и насмешливо). Виновата! Промазала.

Лопахин. Ничего-с. Покорно благодарю за это садо-мазо, строгая госпожа.

Варя. Не стоит благодарности. (Отходит, потом оглядывается и спрашивает мягко.) Я вас не ушибла?

Лопахин. Нет, ничего. Шишка уже вскочила огромная, но не на лбу, ха-ха, каламбур!

Голоса в зале: «Лопахин приехал! Ермолай Алексеич!»

Пищик. Видом видать, слыхом слыхать... (Целуется с Лопахиным.) Коньячком от тебя тянет хорошим, не иначе как Мартель Икс-О, милый мой, душа моя. А мы тут тоже веселимся.

Входит Любовь Андреевна .

Любовь Андреевна. Это вы, Ермолай Алексеич? Отчего так долго? Где Леонид?

Лопехин. Леонид Андреич со мной приехал, он идет...

Любовь Андреевна (волнуясь). Ну что? Были торги? Говорите же!

Лопехин (сконфуженно, боясь обнаружить свою радость). Торги кончились в четыре и мы заехали в Барвиху, в Дрим Хаус, потом водитель поехал на заправку, а Рублёвку на три часа перекрыли, пришлось ждать до половины десятого. (Тяжело вздохнув.) Уф! У меня голова кружится... и мутит... мешали на радостях брют с абсентом, коньяк с текилой и запивали мохиткой.

Входит Гаев, в правой руке у него покупки, левой он утирает слезы.

Любовь Андреевна. Леня, что? Леня, ну? (Нетерпеливо, со слезами.) Скорей же, бога ради... Ты чего рыдаешь? Кокаин попался несвежий?

Гаев (ничего ей не отвечает, только машет рукой Фирсу, плача). Вот возьми... Тут анчоусы, селёдка исландская, устрицы фин де клер... Я сегодня ничего не ел... Столько я страдал! И ещё у меня понос, просто дристогон.

Дверь в бильярдную открыта; слышен стук шаров и **голос Яши:** «Ставлю семь грамм против твоих восемнадцати!» У Гаева меняется выражение, он уже не плачет.

Устал я ужасно. Фирс, неси переодеться, а я пока к молодкососам, эй, там, Яша может положить кий, он ему больше не понадобится... (Идёт в бильярдную, за ним семенит Фирс.)

Пищик. Что на торгах? Доложи обстановку!

Любовь Андреевна. Продан вишневый сад?

Лопехин. Ясный пень.

Любовь Андреевна. Кто купил?

Лопехин. Я!

Пауза.

Любовь Андреевна угнетена; она упала бы, если бы не стояла возле кресла и стола. Варя снимает с пояса ключи, бросает их на пол, посреди гостиной, и уходит.

Я купил! Хорош юродствовать! У меня крыша едет, говорить не могу... (Смеется.) Подъехали мы, йоптыть, на торги, там уже Дериганов жалом своим водит. У Леонида Андрейча была только пятнаха, а Дериганов сверх долга сразу накинул тридцаточку. Вижу, херня такая, я с ним сцепился, объявил сорокет. Он сорок пять. Я пятьдесят пять. Он, значит, по пятёрке надбавляет, я по червонцу... Ну, кончилось. Сверх долга я накинул девяносто, оно и ушло ко мне. Вишневый сад теперь мой! Мой! (Хохочет.) Боже мой, Господи Иисусе Христе, вишневый сад мой! Ну, блин, в натуре, может, я и пьян, может, у меня чердак снесло, и меня глючит... (Топочет ногами.) Не усыскайтесь надо мной! Если бы папа-

шу моего и дедулю вынуть из гробов, вот бы посмотрели на все эти мутки, как их Ермолай, битый-перебитый, двоечник и второгодник Ермолай, который зимой в рваных кедах бежал, как этот самый Ермолай купил землеотвод, прекрасней которого ничего нет на свете. Я купил землю, где дед и отец были быдлом, охранниками на КПП, где их не пускали даже в кухню. Я что, в натуре глючу? Или мы все тут глючим, а я просто словил белочку... (Поднимает ключи, ласково улыбаясь.) Швырнула, лахудра моя, ключи, типа, я тут больше не хозяйка... (Звенит ключами.) Да насрать уже на вас на всех.

Слышно, как настраивается оркестр.

Эй, лабухи, урежьте “Хаву нагилу”! И “Семь сорок”! Желаю послушать! Приходите посмотреть на техасскую резню бензопилой, в главной роли Ермолай Лопяхин! Нарубим вишневых дров, настроим коттеджей, и нашим внуки и правнукам хватит на жизнь и ещё останется... Рабинович, или кто ты там, давай, наяривай!

Играет музыка. Любовь Андреевна опустила на стул и горько плачет.

(С укором.) Не послушала дельного совета, теперь соплями умываетесь! Ну, нравится-не нравится, терпи, моя красавица! Фарш не провернёшь назад. (Со слезами.) Ной, не ной,

всё равно всё это пройдёт, и всё остальное тоже пройдёт.

Пищик (берет его под руку, вполголоса). Рыдает, сейчас заголосит. Пойдем в залу, хряпнем по маленькой, обмоем покупочку. А пусть она одна... Валидол есть, авось, успокоится. Пойдем... (Берет его под руку и уводит в зал.)

Лопахин. Что за вопли видоплясова, дерьмище какое, что это за музыка? Рабинович, блин, играй отчетливо! И пой: хава, нагила хава... (С иронией.) Идет новый босс, владелец этого идиотского вишневого сада! (Толкнул нечаянно столик, едва не опрокинул канделябры.) Плачу за всё! (Уходит с Пищиком.)

В зале и гостиной нет никого, кроме Любови Андреевны, которая сидит, сжалась вся и горько плачет. Тихо играет музыка мелодию из “Списка Шиндлера”. Быстро входят Аня и Трофимов. Аня подходит к матери и становится перед ней на колени. Трофимов остается у входа в залу.

Аня. Мама!.. Мама, ты плачешь? А толку-то? Солнце моё, мамуся, поздно пить боржоми... Вишневый сад продан, его уже нет, но не плачь, у тебя вся жизнь впереди, осталась твоя хорошая, чистая душа... Пойдем со мной! Да пойдем уже отсюда, пойдем!.. Мы под Парижем насадим новый сад, роскошнее этого, ты увидишь его, поймешь, что вот они, новые именины сердца, праздник для души! И ещё улыбнешься, как блаженная, да, мама! Пойдем, милая! Пойдем!..

Действие четвертое

Декорация первого акта. Нет ни занавесей на окнах, ни картин, осталось немного мебели, которая сложена в один угол, точно для продажи. Чувствуется пустота. Около выходной двери и в глубине сцены сложены чемоданы, дорожные узлы и т. п. Налево дверь открыта, оттуда слышны голоса Вари и Ани. Лопехин стоит, ждет. Яша держит поднос со стаканчиками, налитыми шампанским. В передней Епиходов увязывает ящик. За сценой в глубине гул. Это пришли прощаться мужики. Голос Гаева: «Спасибо, братцы, спасибо вам».

Яша. Работяги наши прощаться пришли. Я такого мнения, Ермолай Алексеич: народ добрый, но слишком много смотрит телевизор. Озверение налицо.

Гул стихает. Входят через переднюю Любовь Андреевна и Гаев ; она не плачет, но бледна, лицо ее дрожит, она не может говорить.

Гаев. Ты отдала пролетариату все бабки, Люба. Так нельзя! Так нельзя!

Любовь Андреевна. Я не смогла! Я не смогла!

Оба уходят.

Лопахин (в дверь, им вслед) . Пожалуйста, покорнейше прошу! По бокальчику коньяку на прощанье. Хороший коньяк, 1904 года, во всей России нашел только одну бутылку. Может, её сам Чехов в руках успел подержать! Пожалуйста!

Пауза.

Что ж, господа! Не желаете? (Отходит от двери.) Знал бы – не покупал. Ну, и я пить не стану.

Яша осторожно ставит поднос на стул.

Выпей, Яша, хоть ты, давай шампусика.

Яша. С отъезжающими! Счастливо оставаться! (Пьет.) Это шампанское не настоящее, уж очень кислое, могу вас уверить.

Лопахин. Восемьсот долларов бутылка, Яшенька, Крюг Кло дю Меснил, лошара.

Пауза.

Холодильник здесь какой-то, прямо морозилка.

Яша. Не топили сегодня, все равно уезжать. (Смеется.)

Лопахин. Что ты лыбишься?

Яша. От удовольствия.

Лопахин. На дворе октябрь, а солнечно и тихо, как летом. Строиться хорошо. До зимы можно теплые контуры позакрывать. (Поглядев на часы в дверь.) Господа, имейте в виду, до самолёта осталось всего два часа сорок шесть минут! Значит, через двадцать минут едем в аэропорт. Шевелите булками.

Трофимов в пальто входит со двора.

Трофимов. Мне кажется, ехать уже пора. Лошади поданы. Черт его знает, где мои чуни. Пропали. Попёрли буржуи. (В дверь.) Аня, нет моих чуней! Не нашел!

Лопахин. А мне в Питер надо. В Питере проживу всю зиму. Я все болтался с вами, замучился без дела. Не могу без дела, не знаю, что вот делать с руками; болтаются как сиськи у старой шлюхи.

Трофимов. Сейчас мы отвалим, и вы опять приметесь клепать бабло.

Лопахин. Накатика-ка стаканчик.

Трофимов. Не стану.

Лопахин. Значит, в Москву теперь?

Трофимов. Да, провожу их в аэропорт, и в Москву.

Лопахин. Да... Что ж, профессора не читают лекций, небось всё ждут, когда приедешь!

Трофимов. А пошёл бы ты.

Лопухин. Сколько лет, как ты в университете болтаешься?

Трофимов. Не смешные твои приколы. (Ищет чуни.)

Знаешь, вряд ли увидимся в обозримом будущем, поэтому на прощанье совет: руками не размахивай! Отвыкни от этой привычки – размахивать. И тоже вот строить свои коттеджные посёлки, рассчитывать, что из московской богатой сволочи со временем выйдут отдельные хозяева, рассчитывать и уповать на это – тоже значит размахивать... Как-никак, все-таки я тебя люблю. У тебя тонкие, нежные пальцы, как у артиста, у тебя тонкая, нежная душа... И губы... Такие чувственные...

Лопухин (обнимает его). Прощай, мой сладенький. Спасибо за все. Денег на дорогу дать?

Трофимов. Для чего мне? Не нужно.

Лопухин. Ведь у тебя нет ни хера за душой!

Трофимов. Есть. Я за перевод получил. Вот они тут, уже горит копейка на кармане. (Тревожно.) А чуней моих нет!

Варя (из другой комнаты). Возьмите вашу гадость! (Выбрасывает на сцену пару растоптанных сношенных башмаков.)

Трофимов. Что за дела, чего вы сердитесь, Варя? Гм... Да это не мои чуни!

Лопухин. Я весной посеял маку тысячу гектар на югах, снял по двадцать центнеров с гектара, и теперь заработал четыре ярда чистыми. А когда мой мак цвел, что это была за картина! Наркоконтроль только и наркоманы задолбали. Так

вот я, говорю, заработал четыре ярда и, значит, предлагаю тебе взаймы, потому что могу дать пару копеек на поддержание штанов. Тапки себе приличные купишь. Зачем же нос задираешь? Я человек простой, со мной легко.

Трофимов. Твой отец был бандит, мой – аптекарь, и из этого не следует решительно ничего.

Лопехин вынимает бумажник.

Оставь, оставь... Дай мне хоть лям, не возьму. Я свободный человек. И все, что так высоко и дорого цените вы все, богатые и нищие, не имеет надо мной ни малейшей власти, вот как дым из вэйпера. Я могу без вас, я могу проходить мимо вас, я силен и горд. Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле, и я в первых рядах!

Лопехин. Да ты, бляха, хипстер, ёптывать! Дойдешь?

Трофимов. Дойду.

Пауза.

Дойду, или укажу другим путь, как дойти.

Слышно, как вдали стучат топором по дереву.

Лопехин. Такие пассажиры, как ты, обычно плохо кон-

чают. Чем больше башка, тем хуже конец. Ну и ладненько, держи пять. Поехали уже. Мы друг перед другом понты колотим, а жизнь едет мимо. Когда я работаю подолгу, без продыху, тогда мысли полегче, и кажется, типа ясненько, для чего я существую. А сколько, братан, в России терпил, которые существуют неизвестно для чего. Ну, все равно, циркуляция дела не в этом. Леонида Андреича, говорят, приняли пиарщиком во Внешэкономбанк, шестьсот тысяч в месяц. Только ведь отправят на воздуха, ленивый очень... И нажирается в хлам на людях.

Аня (в дверях). Мама вас просит: пока она не уехала, чтоб не рубили деревья.

Трофимов. В самом деле, неужели не хватает такта... (Уходит через переднюю.)

Лопухин. Сейчас, сейчас... Ой, бя, какие мы нежные... (Уходит за ним.)

Аня. Фирса отправили в больницу?

Яша. Я утром говорил. Отправили, надо думать.

Аня (Епиходову, который проходит через залу). Семен Моисеич, справьтесь, пожалуйста, отвезли ли Фирса в больницу.

Яша (обиженно). Утром я говорил Егору. Что ж спрашивать по десяти раз! Старому пердуну уже в морг пора.

Епиходов. Вообще-то я Пантелеич. Но да не в этом... С Яшей я согласен. Долгоиграющий Фирс уже неремонтопригоден, ему надо в "Ритуал точка ру". Но можно ему и поза-

видовать. (Положил чемодан на картонку со шляпой и раздавил.) Ну, вот, конечно. Так и знал. (Уходит.)

Яша (насмешливо) . Тридцать три несчастья...

Варя (за дверью). Фирса отвезли в больничку?

Аня. Отвезли.

Варя. Отчего же конверт не взяли к доктору?

Аня. Так надо послать вдогонку... (Уходит.)

Варя (из соседней комнаты). Где Яша? Скажите, мать его пришла, хочет проститься с ним.

Яша (машет рукой). Заманали телячьими нежностями, испытывают моё терпение.

Дуняша все время хлопчет около вещей; теперь, когда Яша остался один, она подошла к нему.

Дуняша. Хоть бы взглянули разочек, Яша. Вы уезжаете... меня покидаете... кто вам будет колокольчики на ночь тереть? (Плачет и бросается ему на шею.)

Яша. Что ж плакать? (Пьет шампанское.) Через шесть дней я опять в Париже. Скоро сядем в самолёт, только нас и видели. Даже как-то не верится. Вив ла Франс!.. Здесь мне уже край, не по мне вся эта обстановка, всё пропало, пора валить! Не могу жить в ЭТОЙ стране!... ничего не поделаешь. Насмотрелся на это быдло и невежество – хватит с меня. Я – натура тонкая, деликатная. (Пьет шампанское.) Что ж плакать? Ведите себя прилично, тогда не будете плакать.

Купите дилдо на батарейках, в конце-то концов.

Дуняша (пудрится, глядясь в зеркальце). Пришлите из Парижа емейл. Ведь я вас любила, Яша, так любила! Я тоже нежное существо, Яша!

Яша. Сюда идет. (Хлопочет около чемоданов, тихо напевает.)

Входят Любовь Андреевна, Гаев, Аня и Шарлотта Ивановна .

Гаев. Ехать бы нам. Уже немного осталось. (Глядя на Яшу.) От кого это селедкой с луком несёт?

Любовь Андреевна. Минут через десять давайте уже по машинам садиться... (Окидывает взглядом комнату.) Прощай, милый дом, старый дедушка. Пройдет зима, настанет лето, а там тебя снесут за это. Сколько видели эти стены! (Целует горячо дочь.) Сокровище мое, ты сияешь, твои глазки играют, как два алмаза. Ты довольна? Очень?

Аня. Очень! Начинается новая жизнь, мама!

Гаев (весело) . В самом деле, теперь все хорошо. До продажи вишневого сада мы все волновались, страдали, а потом, когда вопрос был решен окончательно, бесповоротно, все успокоились, повеселели даже... Я банковский служака, теперь я финансист... буду представлять банк в высоких сферах... и ты, Люба, как-никак, выглядишь лучше, несомненно и так далее.

Любовь Андреевна. Да. Нервы мои шалят, но без истерики, это правда.

Ей подают шляпу и пальто.

Я сплю хорошо, особенно после феназепамы. Выносите мои вещи, Яша. Пора. (Ане.) Девочка моя, скоро увидимся... Я еду в Париж, буду жить там на те бабки, которые ты выманила у ярославской бабки-губернаторши – да здравствует бабушка! – а денег этих хватит ненадолго, так что до скорого.

Аня. Ясное дело, мама, ты вернешься скоро, очень скоро... не правда ли? Я пойду риэлтором, элитную недвижимость буду продавать тут, на Рублёвке, чтоб заработать и тебе помогать. Мы, мама, будем вместе сериалы смотреть... Не правда ли? (Целует матери руки.) Мы будем в осенние вечера сидеть у камина и смотреть кино, прослушаем много аудиокниг, и перед нами откроется новый, чудесный мир... (Мечтает.) Мама, приезжай...

Любовь Андреевна. Приеду, мое золото. (Обнимает дочь.)

Входит Лопахин. Шарлотта тихо напевает песенку.

Гаев. Счастливая Шарлотта: поет!

Шарлотта (берет узел, похожий на свернутого ребенка).

Мой бэби, бай, бай...

Слышится плач ребенка: «Уа, уа!..»

Замолчи, мой милый мальчик, ротик закрывай, баю-бай...

«Уа!.. уа!..»

Мне тебя так жалко! (Бросает узел на место.) Так вы, пожалуйста, найдите мне место, хоть гувернантки, хоть содержанки. Я не могу так, чтоб нигде и без всего.

Лопухин. Найдем, Шарлотта Ивановна, не беспокойтесь.

Гаев. Все нас бросают, Варя уходит... мы стали вдруг не нужны.

Шарлотта. В городе мне жить негде. И не с кем. Надо уходить... (Напевает.) Все равно...

Входит Пищик.

Лопухин. Чудо-юдо!..

Пищик (запыхавшись) . Я юдо только по матери. Ой, дайте отдышаться... замучился... .. Воды дайте с газиками...

Гаев. За бабками небось? Слуга покорный, ухожу от греха... (Уходит.)

Пищик. Давненько не был у вас... прекраснейшая... (Ло-

пахину.) Ты здесь... рад тебя видеть... громаднейшего ума человек... возьми... получи... (Подает Лопихину деньги.) Четыреста тысяч рублей... За мной остается восемьсот сорок.

Лопихин (в недоумении пожимает плечами) . Точно во сне... Ты где же нарыл?

Пищик. Постой... Жарко... Ты офигеешь. Ведь ей-богу нарыл. Приехали ко мне англичане. Нашли в моей земле какую-то белую глину... (Любови Андреевне.) И вам четыреста тысяч... прекрасная, удивительная, неземная... (Подает деньги.) Остальные потом. (Пьет воду.) Сейчас один молодой человек рассказывал на Ютубе, будто какой-то... великий философ советует прыгать с крыш... «Прыгай!», говорит, и в этом вся задача. (Удивленно.) Офигеть! Воды!..

Лопихин. Какие же это англичане? Мы ж под санкциями!

Пищик. Сдал им участок с глиной на двадцать пять лет... А теперь, пардон, надо скакать дальше... Поеду к Знойкову... к Кардамонову... Всем должен... (Пьет.) Удачи всем... В четверг заеду...

Любовь Андреевна. Мы сейчас съезжаем отсюда, я улетаю за границу...

Пищик. Как? (Встревоженно.) Почему съезжаете? То-то я гляжу на мебель... чемоданы... Ну, ничего... (Сквозь слезы.) Ничего... Величайшего ума люди... эти англичане... Ничего... Будьте счастливы... Бог поможет вам... Ничего... Все на этом свете бывает конец... (Целует руку Любови

Андреевне.) А дойдет до вас слух, что мне конец пришел, вспомните вот эту самую... лошадь и скажите: «Был на свете такой, сякой... Симеонов-Пищик... царство ему небесное»... Замечательнейшая погода... Да... (Уходит в сильном смущении, но тотчас же возвращается и говорит в дверях.) Кланялась вам Дашенька! (Уходит.)

Любовь Андреевна. Теперь можно и ехать. Уезжаю я с двумя заботами. Первая – это больной Фирс. Он уже между небом и землёй. (Взглянув на часы.) Еще минут пять можно...

Аня. Мама, Фирса на скорой отправили в больницу. Яша отправил утром.

Любовь Андреевна. Вторая моя печалька – Варя. Она привыкла рано вставать и работать, и теперь без труда она, как рыба без воды. Похудела, побледнела и плачет бедняжка... Как будто на кетодиете месяц сидит.

Пауза.

Вы знаете, Ермолай Алексеич; я мечтала... выдать ее за вас, да и по всему видно было, что вы женитесь. (Шепчет Ане, та кивает Шарлотте, и обе уходят.) Вроде как между вами что-то было... Она вас любит, вам она по душе, так почему это вы избегаете друг друга? Не понимаю!

Лопахин. Я сам тоже не понимаю, признаться. Как-то странно все... Если есть еще время, то я хоть сейчас готов...

Покончим сразу – и баста, а без вас я, чувствую, не сделаю предложения.

Любовь Андреевна. И превосходно. Это же минутное дело. Я её сейчас позову...

Лопахин. Кстати, шампанское есть. (Поглядев на стаканчики.) Пустые, кто-то уже выпил.

Яша кашляет.

Это называется вылакать...

Любовь Андреевна (оживленно) . Прекрасно. Мы выйдем... Яша, allez! Я её позову... (В дверь.) Варя, оставь все, сюда иди! (Уходит с Яшей.)

Лопахин (поглядев на часы) . Да...

Пауза.

За дверью сдержанный смех, шепот, наконец входит Варя .

Варя (долго осматривает вещи) . Странно, никак не найду...

Лопахин. Что вы ищете?

Варя. Сама уложила и не помню.

Пауза.

Лопахин. Вы куда же теперь, Варвара Михайловна?

Варя. К Рагулиным... Договорилась к ним смотреть за хозяйством... в мажордомы подалась, типа того.

Лопяхин. Так это ж на Новой Риге, в Миллениум-парке. Рядом, рукой подать.

Пауза.

Вот и кончилась жизнь в этом доме...

Варя (оглядывая вещи) . Где же это... Или, может, я в чемоданы уже уложила... Да, жизнь в этом доме кончилась... больше уже не будет...

Лопяхин. А я в Питер уезжаю сейчас. Дел много. А тут на хозяйстве оставляю Епиходова... Я его нанял.

Варя. Что ж!

Лопяхин. В прошлом году в это время уже снег шел, а теперь тихо, солнечно. Только холодно... Минус три.

Варя. Я не поглядела.

Пауза.

Да и разбит у нас градусник...

Пауза. Голос в дверь со двора: «Ермолай Алексеич!..»

Лопяхин (точно давно ждал этого зова). Минуту! (Быстро уходит.)

Варя, сидя на полу, положив голову на узел с платьем, ти-

хо рыдает. Отворяется дверь, осторожно входит Любовь Андреевна .

Любовь Андреевна. Что?

Пауза.

Надо ехать.

Варя (уже не плачет, вытерла глаза). Да, пора, мамочка. Я к Рагулиным успею сегодня, не опоздать бы вам только на самолет...

Любовь Андреевна (в дверь). Аня, одевайся!

Входит Аня, потом Гаев, Шарлотта Ивановна . На Гаеве теплое пальто с меховым воротником. Сходится прислуга, водители . Около вещей хлопочет Епиходов .

Теперь можно и в дорогу.

Аня (радостно). В дорогу!

Гаев. Друзья мои, дорогие товарищи и коллеги! Покидая этот дом навсегда, могу ли я умолчать, могу ли удержаться, чтобы не высказать на прощанье всё то, что ниакипело в душе и что раздирают теперь все мое существо...

Аня (умоляюще). Дядя Лёня!

Варя. Дядечка лёнечка, не нужно!

Гаев (уныло). Понял, регламент... Молчу...

Входит Трофимов , потом Лопахин .

Трофимов. Что же, господа, пора на выход!

Лопахин. Епиходов, мое пальто!

Любовь Андреевна. Я посижу еще одну минутку. Как будто раньше я никогда не видела, какие в этом доме стены, какие потолки, и теперь не могу насмотреться...

Гаев. Помню, когда мне было шесть лет, на День Советской армии я сидел на этом окне и смотрел, как мой отец шел на бухать с сослуживцами...

Любовь Андреевна. Все вещи забрали?

Лопахин. Кажется, все. (Епиходову, надевая пальто.) Ты же, Епиходов, смотри, чтобы все было в порядке.

Епиходов (говорит сиплым голосом). Будьте покойны, Ермолай Алексеич!

Лопахин. Что это у тебя голос сел?

Епиходов. Пивка ледяного глотнул.

Яша (с презрением). Невежество...Хамство...

Любовь Андреевна. Уедем – и здесь не останется ни души...

Лопахин. До самой весны.

Варя (выдергивает из узла зонтик, похоже, как будто она замахнулась).

Лопахин делает вид, что испугался.

Что вы, что вы... Я и не думала.

Трофимов. Господа, идемте рассаживаться по машинам... Уже пора! Скоро посадку объявят!

Варя. Петя, вот они, ваши чуни, возле чемодана. (Со слезами.) И какие они у вас грязные, уродские...

Трофимов (надевая чуни). Идем, господа!..

Гаев (сильно смущен, боится заплакать). Самолет... аэропорт... Партсобрание объявляю закрытым...

Любовь Андреевна. Идем!

Лопухин. Все здесь? Никого там нет? (Запирает боковую дверь налево.) Здесь вещи сложены, надо запереть. Идем!..

Аня. Прощай, дом! Прощай, старая жизнь!

Трофимов. Здравствуй, новая жизнь!.. (Уходит с Аней.)

Варя окидывает взглядом комнату и не спеша уходит.
Уходят Яша и Шарлотта с собачкой.

Лопухин. Значит, до весны. Выходите, господа... До свиданья!.. (Уходит.)

Любовь Андреевна и Гаев остались вдвоем. Они точно ждали этого, бросаются на шею друг другу и рыдают сдержанно, тихо, боясь, чтобы их не услышали.

Гаев (в отчаянии). Сестра моя, Любаша, твою мать, про-

срали мы всё на свете...

Любовь Андреевна. Да, да, придурки мы... мой сад, прекрасный сад!.. Моя жизнь, моя молодость, счастье мое, прощай!.. Прощай!..

Голос Ани весело, призывающе: «Мама!..»

Голос Трофимова весело, возбужденно: «Ау!..»

В последний раз взгляну на стены, на окна... По этой комнате туда-сюда ходила мама, царство небесное...

Гаев. Сестра моя, Любаня, что ж мы натворили!..

Голос Ани: «Мама!..»

Голос Трофимова: «Ау!..»

Любовь Андреевна. Мы идем!..

Уходят.

Сцена пуста. Слышно, как на ключ запирают все двери, как потом отъезжают экипажи. Становится тихо. Среди тишины раздается глухой стук топора по дереву, звучащий одиноко и грустно.

Слышатся шаги. Из двери, что направо, показывается Фирс . Он одет, как всегда, в пиджаке и белой жилетке, на ногах туфли. Он болен.

Фирс (подходит к двери, трогает за ручку) . Заперто. Уехали... (Садится на диван.) Про меня забыли... Ничего... я тут посижу... А Леонид Андреич, небось, шубы не надел, в пальто поехал... (Озабоченно вздыхает.) Я-то не поглядел... Молодо-зелено! (Бормочет что-то, чего понять нельзя.) Жизнь-то прошла, словно и не жил... (Ложится.) Я полежу... Силушки уже нету, ничего не осталось, ничего... Эх ты... раззява ... недотепа!.. (Лежит неподвижно.)

Входит Лопехин. Смотрит на Фирса. Трясёт его, Фирс мычит.

Лопехин (кричит). Сюда! Бегом все сюда!

Слышен шум и топот ног.

Лопехин. Нажрался, старый хрыч? (Фирс мычит отрицательно). Закручинился? Думал, забыли тебя? А вот и нет! Сюрприз-сюрприз.

Вбегает Раневская, за ней Аня, Гаев, Варя, Яша, Дуня, Шарлотта, Трофимов, Епиходов.

Лопехин (вынимая из-за пазухи пачку бумаги). Ну что, живопырки?! Утёрлись? Сопли свои интеллигентские дожевали? Думали, что если Любовь Андреевна мне не дала, то

пошли вы все на хер? А вот и нет! Я, слава Богу, всей вашей культуры не набрался, русской литературы не читал, и мозги у меня на месте, а не набекрень, как у ваших толстоевских... Я люблю счастливые концы!

Гаев: Ты нас зачем сюда позвал? Поизголяться напоследок?

Лопахин: Леонид Андреевич, раком станьте!

Гаев: Что? Да как ты смеешь?

Лопахин: Становитесь! Не пожалее! Ради сестры своей, дурочки беспросветной, и девчонок этих, племянниц своих! Хоть их пожалейте. Э, да штаны не снимайте, за педрилу меня, что ли, держите?

Гаев наклоняется, пытаясь встать на четвереньки. Лопахин достаёт ручку и подписывает бумаги на спине Гаева.

Лопахин. Хоть на что-то вы, Леонид Андреевич, сгодились, первый раз в жизни.

Лопахин вручает бумаги растерянной Раневской.

Лопахин: Держите, Любовь Андреевна. Хоть вы и глупая, как устрица, но сердце у вас доброе, и человек вы хороший. Ради того, что вы мне кровавые сопли вытирала, и не жлобилась никогда, и людей не обижала, ради твоего щедрого сердца Господь положил мне на душу отдать тебе твой дом и

гектар вишневого сада вокруг него. Остальное – моё, тут уж без обид и претензий. Держите документы, живите, радуйтесь тому, что долгов у вас больше нет, и что Господь милостив к вам, недотёпам и растопыркам, а я лишь исполняю волю Его. Варя, забудь про этих жлобье Рагулиных. Едешь со мной. Вот тебе кольцо с брюликом, будешь моей женой. Погнали в Питер, а вам всем адьё-с!

Лопахин берет под руку Варю и уходит. Раневская, Гаврилов, Аня, Дуняша плачут от радости, Яша падает в обморок. Фирс пинает Яшу ногой. Епиходов ничего не понимает, растерянно хлопает глазами.

Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду жужжат бензопилы и падают деревья.

1904/2022